

УДК 316.473

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/45/19>

ВОСПРИЯТИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

©*Немцов А. А.*, SPIN-код: 1471-9280, канд. психол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, a.nemczow2014@yandex.ru

PERCEPTION AND INTERPRETATION OF SOCIAL CONFLICTS BY STUDENT'S YOUTH

©*Nemtsov A.*, SPIN-code: 1471-9280, Ph.D., Russian State University for the Humanity, Moscow, Russia, a.nemczow2014@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению восприятия студенческой молодежью конфликтов, имеющих место в современном российском обществе. При этом, с теоретических позиций, общество рассматривается как система взаимодействующих между собой конфликтов. Апробируются методические подходы, позволяющие оценить ряд психологических и социологических характеристик. В частности исследуется субъективное восприятие студентами остроты ряда основных общественных конфликтов, их решаемости, взаимодействия этих параметров. Обосновываются алгоритмы содержательного анализа полученных данных. Кроме того рассматривается отношение к некоторым общественным группам и их представителям в контексте изучения восприятия конфликтов. В статье приведены результаты исследования студентов гуманитарных специализаций.

Abstract. The article is devoted to the study of student's perception of conflicts that take place in modern Russian society. At the same time, from the theoretical point of view, the society is considered as a system of interacting conflicts. Methodological approaches are tested to assess a number of psychological and sociological characteristics. In particular, the author studies the subjective perception of acuteness of a number of major social conflicts by students, their resolution and interaction of these parameters. The algorithms of substantial analysis of the data obtained are substantiated. In addition, the attitude to some social groups and their representatives is considered in the context of the study of the perception of conflicts. The article presents the results of humanitarian specialization students.

Ключевые слова: студенческая молодежь, конфликты, субъективное восприятие остроты конфликта, субъективное восприятие решаемости конфликта, сопряженные конфликты, нейтрализующие конфликты, общественные группы, чиновники, силовики, олигархи.

Keywords: student youth, conflicts, subjective perception of the severity of the conflict, subjective perception of conflict resolution, related conflicts, neutralizing conflicts, community groups, officials, security officials, oligarchs.

Конфликты пронизывают буквально все сферы жизни общества. Без них в общественной жизни не возникает ничего нового. Развитие конфликтных ситуаций явление

не только неизбежное, но и необходимое. В мировой социологической мысли возникали и развивались различные и продуктивные конфликтологические концепции [1–3]. Существенный вклад в создание основ социологии конфликтов внес Георг Зиммель, который ввел в научный оборот сам термин «социальный конфликт» [2]. С его точки зрения социальные конфликты в обществе неизбежны и неотвратимы, но они (в отличие от того, что утверждал К. Маркс) коренятся не в противоположности экономических интересов противоборствующих классов, а возникают на основе инстинктов враждебности. Конфликт — это способ достижения своеобразного единства, даже если оно достигается ценой уничтожения одной из сторон, участвующих в конфликте. Поэтому в противоположность марксовской концепции социальных конфликтов, которые по мере обострения достигают стадии антагонизма, приводящего к разрушению данной социально-экономической системы и превращают ее в свою противоположность, Г. Зиммель полагал, что в развитии конфликтов более глубокие и острые из них постепенно уступают место менее интенсивным и острым. Вследствие чего повышается прочность данной системы, упорядочиваются ее изменения. Он тесно связывал интенсивность конфликта с интенсивностью эмоций, характеризующих его участников. С его точки зрения, чем сильнее эмоции, вызванные конфликтом, тем с большей вероятностью конфликт оказывается связанным с применением насилия. Согласно зиммелевской концепции, именно конфликт является центральным нервом, как самой социальной жизни, так и культуры, стремящейся выразить эту жизнь в многообразии своих форм [2–3]. Как только жизнь возвысилась над чисто животным состоянием до некоторой духовности, а дух поднялся до состояния культуры, в ней обнаружился внутренний конфликт, нарастание и разрешение которого есть путь обновления всей культуры. В зиммелевской интерпретации процесс развития культуры предстает как бесконечное порождение жизнью новых форм, которые постепенно окостеневают, становятся тормозом на пути дальнейшего развития жизни, а потому сменяются ею, заменяются новыми формами, обреченными в конечном счете на ту же судьбу. Отсюда вывод: конфликт жизни и культуры — неразрешимый конфликт, причем по мере исторического развития общества острота и неразрешимость этого конфликта возрастают.

Значительный вклад в развитие социологии конфликтов внес выдающийся французский социолог и философ Э. Дюркгейм [1–3]. Центральную роль в его концепции играет категория социальных фактов. Социальные факты составляют объективную, то есть независимую от индивида реальность. Эти социальные факты по своему содержанию составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящегося вне индивида и наделенные принудительной силой вследствие которой они ему навязываются. Вот здесь-то, по мнению Дюркгейма, и кроется основная причина социальных конфликтов. Процесс развития общества, по его представлениям, реализуется через формирование и упрочение социальных групп и возникающих в их взаимодействии общественную солидарность, не позволяющую отдельным индивидам погрязнуть в ожесточенной борьбе друг другом (войне всех против всех). В современном индивидуалистическом обществе, считает Дюркгейм, основная проблема состоит в поддержании минимума коллективного сознания, коллективных ценностей, привязывающих личность к социальному целому. В ситуации общественной дезинтеграции возникает *аномия* — термин, который ввел в социологию Дюркгейм для обозначения состояния ценностного вакуума, характерного для кризисных и переходных состояний в развитии общества, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились. Главная задача, по мнению Дюркгейма, — снизить уровень аномии в обществе, а еще лучше — вообще устранить ее из общественной жизни, создав тем самым благоприятное пространство для действий социальной нормы. Согласно

Дюркгейму, социальная норма, влияние которой следует усилить, не только позволяет индивиду свободно проявлять себя, но и обязывает каждого использовать здравый смысл и утверждать свою свободу не в ущерб другим. Поскольку индивидуальная детерминированность всякого действия, в том числе и конфликтного, вторична по отношению к коллективной, общественной и вследствие этого подвластна ей, постольку, считает он, общество, если оно не поражено социальной болезнью, может и должно находить эффективные способы не только разрешения конфликтов, но и устранения их из своей жизни [1–3].

Своеобразную трактовку проблема конфликта получила в концепции одного из классиков социологии Макса Вебера [1–3]. Опираясь на понимание конфликта как неизбежного явления в развитии социальных организмов, М. Вебер рассматривал его преимущественно применительно к анализу политической сферы и отождествлял с политической борьбой. М. Вебер полагал, что сфера политики гораздо интенсивнее, чем все остальные сферы социальной системы пронизана различного рода конфликтами и борьбой. Причем диапазон всех этих конфликтных столкновений чрезвычайно обширен, поскольку в политической борьбе участвуют не только собственно профессиональные политики, но и гораздо более широкие общественные слои. Сами эти слои и общественные классы имеют различные интересы. Политическая борьба вытекает из существования в обществе господства и подчинения, которыми господствующие классы, группы и политические партии стремятся придать характер законности.

Льюис Козер считал, что среди огромного многообразия социальных процессов самым существенным является социальный конфликт [1–4]. Этот конфликт он определял как борьбу за ценности и претензии на определенный статус и власть, а также ресурсы. При этом целью противников является нейтрализация ущерба наносимого соперником или уничтожение своего соперника. В конфликтном функционализме Л. Козера при комплексном рассмотрении основных параметров социального конфликта — остроты, длительности, интенсивности и др. — все-таки первоочередное значение придается выяснению его функций. Козером дана обширная кодификация функций социальных конфликтов, начиная от их способности содействовать более четкому разграничению враждующих групп, укреплению их идеологической сплоченности и кончая заключенными в них возможностями уменьшать враждебность различных групп в обществе, обращать внимание правящей элиты на плохую приспособленность социальной системы к тем или иным назревшим нововведениям. В конечном итоге функцией социальных конфликтов является усиление интеграции системы и ее адаптивности к изменяющимся условиям. Фактически лейтмотивом его теоретических усилий остается стремление создать такую динамическую картину общества, в которой конфликт способствует интеграции и адаптивности социальной системы к изменяющимся условиям ее существования. Козер полагал, что, приводя к нарушению интеграции составных частей социального целого и тем самым к ее временной дезинтеграции, социальные конфликты своим долговременным действием при определенных условиях делают социальную структуру более гибкой, а это в свою очередь усиливает способность системы избавляться при помощи конфликтов от грозящих ей в будущем нарушений равновесия. Важнейшей предпосылкой такого конструктивного влияния конфликтов на социальную систему Козер считал тенденцию к снижению остроты конфликтов и их сосредоточенность не на индивидуальных, а на общественно значимых интересах и целях [4]. Становясь вследствие возникновения и разрешения конфликтов более динамичной и гибкой, социальная система обнаруживает более высокий уровень приспособляемости к изменяющимся условиям. Согласно представлениям Козера, общество находится под

воздействием множества конфликтов, происходящих по идущим в разных направлениях противостояний. Такая ситуация уменьшает его риск быть насильственно разорванным или распасться на части в случае раскола по какой-то одной линии. Объясняется подобное явление тем, что возникновение новых трещин в обществе нередко способствует сужению старых, уже существующих. Поэтому общество, парадоксальным образом постоянно консолидируется, благодаря возникновению новых конфликтов. Более того, по мнению Л. Козера, социальный организм нередко инициирует конфликты для того, чтобы удовлетворить свои потребности в интеграции и адаптации по отношению к меняющимся условиям [1–2, 4].

Важным этапом развития конфликтологии стала «функциональная теория конфликта», сформулированная и развитая Ральфом Дарендорфом [1–3]. Анализируя различные формы конфликтных взаимодействий (внутри– и межличностные, внутри– и межролевые, внутри– и межгрупповые и т. п.) Р. Дарендорф последовательно проводит в своей конфликтологической концепции идею о повсеместности и вездесущности социальных конфликтов. Разработанная им конфликтологическая модель общества опирается на 4 основополагающих утверждения.

Каждое общество в каждый данный момент своего развития подвержено процессам изменений — эти изменения вездесущи.

В каждом обществе в каждый момент времени проявляются несогласие и конфликт — социальный конфликт вездесущ.

Каждый элемент в обществе способствует его дезинтеграции и изменениям.

Каждое общество опирается на принуждение, применяемое одними членами в отношении к другим.

Рассматривая сквозь призму данной модели общественное развитие, Р. Дарендорф утверждает, что общество предстает перед исследователем в двух обликах: с одной стороны мы видим облик стабильности, гармонии и согласия, а с другой — облик перемен, конфликтов и принуждения. Но в таком случае неизбежно возникает вопрос: как и почему один облик общества в процессе изменений превращается в другой, прямо противоположный? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо искать истоки перемен, связанные с конфликтами и принуждением в самой социальной системе. Р. Дарендорф так и поступает и находит в качестве источника конфликта борьбу, возникающую между враждебными социальными группами. В этой связи возникают 3 вопроса.

1. Каким образом из структуры общества выделяются социальные группы, вступающие в конфликтные отношения?

2. Какие формы способна приобретать борьба между конфликтующими группами?

3. Каким образом конфликт между такими группами влияет на изменения социальной структуры?

Стремясь ответить на 3 этих вопроса Р. Дарендорф прежде всего утверждает, что в любой из социальных систем отношения зависимости являются вездесущими. Т.е. обязательно кто-то должен обладать властью, а кто-то должен быть ее лишен. Это закон существования социальных систем. Интересы же обладающих властью и тех, кто ее лишен, противоположны: первые заинтересованы в удержании статус-кво, вторые — наоборот, в его изменении. Однако конфликт не возникает сразу, пока столь разительное различие интересов затемнено, а их носители пока еще не создают враждебных групп в полном понимании смысла этого слова. На первоначальном этапе они формируют только квазигруппы, становящиеся подлинными группами только тогда, когда противоположность интересов делается явной и хорошо осознанной. Процесс превращения неявных, затемненных какими бы то ни было обстоятельствами интересов в явные и осознанные, а квазигрупп в подлинные

социальные группы и означает возникновение конфликта. Этот конфликт, в свою очередь, способен, в конечном счете, привести к более или менее значительному изменению существующих порядков либо к трансформации всей системы в целом. Таким образом, установив главную причин социальных конфликтов в наличии отношений господства и подчинения и возникающей вследствие этого борьбы между конфликтующими группами за обладание властью, Р. Дарендорф определяет эти группы как социальные классы. Классы — это конфликтующие социальные группы, а главный конфликт между ними — борьба за господство. Именно из-за отношений господства и подчинения в обществе складывается различие, а порой и противоположность социальных позиций различных групп, противостояние их ожиданий, норм и взглядов. Другими словами в конфликте в противоречие вступают нормы, ожидания и институты, как системы этих норм и ожиданий, а также ценностей. В построенной Дарендорфом «конфликтной модели общества» конфликт выступает в качестве неотъемлемого компонента общественного организма. Не наличие, а отсутствие конфликта — считает Дарендорф — является чем-то удивительным и ненормальным. Повод к подозрениям возникает тогда, когда обнаруживается общество или организация, в которых отсутствуют проявления конфликта. Только в силу того, что общественная жизнь во всех своих сферах пронизана конфликтами, по мнению Р. Дарендорфа, возможно развитие общества. Более того, конфликт в любой социальной системе становится источником ее развития и совершенствования [1–3]. Однако, по мнению Дарендорфа, в последний исторический период стал разрастаться такой тип конфликтов, который не в состоянии способствовать прогрессу социальной системы, а, напротив, может ее расшатать и даже разрушить. Речь идет об этнонациональных конфликтах, втягивающих в свою орбиту все большее количество людей, народов и стран. Конечно, признание важности этноса явилось продвижением вперед в развитии цивилизации. Это было так, пока гражданские права вступали в противоречие с этнокультурными особенностями. Однако в последнее время во многих странах этнические различия стали использоваться как оружие, направленное против прав человека. Использование такого оружия поборниками фундаментализма оказывается по существу наступлением на цивилизирующие силы гражданского общества во имя прав меньшинств, их культурной, религиозной, этнической самостоятельности. Вместе с тем, в современном мире действует и другая, всеобъемлющая причина, приводящая к нарастанию конфликтности. Дарендорф пишет: «Индивидуализация социального конфликта в открытых обществах — основная проблема. Если раньше в конфликтах проявлялись преимущественно солидарные действия организованных групп, то в современных условиях люди стремятся использовать любую возможность, чтобы прокладывать себе путь собственными силами». В США это стремление уже долгое время является основной формой конфликта. Но сегодня то же самое можно сказать о большинстве стран мира. Индивидуальная мобильность занимает место классово-борьбы.

Еще одна важнейшая форма воплощения конфликта — аномия. Что же понимается в данном случае под термином «аномия», введенным в научный оборот Э. Дюркгеймом и определившим его как временную утрату социальными нормами своей действенности в результате экономического и политического кризиса? Синтезируя определение аномии, даваемое У. Ламбартом и Р. Мертоном, Дарендорф пишет, что «аномия означает такое положение вещей, когда нарушения общественных норм сходят преступникам с рук». Связь между аномией и преступностью, утверждает Дарендорф, не является прямой причинно-следственной, но, тем не менее, аномия создает такие условия, при которых уровень преступлений, скорее всего, будет нарастать, а нарушения существующих норм остаются безнаказанными. Это состояние предельной неуверенности, нестабильности, при котором

никто не знает, какого поведения ему следует ожидать от других в той или иной ситуации [1–3].

Т. Парсонс в своей знаменитой книге «Социальная система» подчеркивал, что наряду с интеграцией внутри системы развиваются процессы дифференциации, что приводит к отклонению от норм, конфликтам и изменениям. Таким образом, если для Р. Дарендорфа конфликт является нормой, то в парсоновской модели развития общества, конфликт скорее представляется отклонением от нормы. Для Т. Парсонса исторический процесс высвобождения индивида из закреплённости в традиционных связях неотделим от социальной дифференциации, понимаемой как неизбежно возникающей и прогрессивно нарастающей неопределённости внутри социальной системы. Поэтому свобода конкурентной личности в той или иной мере обусловлена дифференциацией социальных структур. Чем масштабнее такая дифференциация в социальной системе, тем шире становятся границы личной автономии и свободы индивида. Но поскольку социальная дифференциация есть ни что иное, как размежевание различных социальных позиций и ролей, то возникающее в процессе ее развертывания социальное напряжение выливается в конфликтные столкновения. Наиболее выпукло эта тенденция, согласно Т. Парсонсу, проявляется в социальной стратификации, представляющей собой процесс углубления социальных различий и неравенства в обществе [1–3]. Он подчеркивает, что стратификация является главным, хотя и не единственным фактором структурного конфликта в социальных системах. Возникает вопрос, почему именно социальной стратификации принадлежит столь сильно выраженная конфликтогенная роль? Потому, отвечают последователи Т. Парсонса, что в процессе стратификации возникают и углубляются социальные различия между индивидами и выполняемыми ими в обществе производственными ролями. Углубление различий происходят также по степени власти и могущества, по размерам доходов и богатства, по общественному престижу и т. п. Эти основные изменения стратификации становятся в процессе социальной дифференциации важными предпосылками конфликта ролей. В обществе нередко возникают такие ситуации, когда усвоенные индивидами и социальными группами ценности, нормы, образцы культуры не только не ориентируют людей на сохранение существующего порядка, но и предъявляют им совершенно невыполнимые требования, порождая тем самым отклонения и конфликты. Чтобы как можно эффективнее предупредить конфликты и избежать их, необходимо повышать устойчивость социальной системы. Конфликт выступает для Т. Парсонса как отклонение от нормального порядка, от стабильного функционирования целостной социальной системы [1–3].

В целях изучения восприятия и интерпретации студенческой молодежью общественных конфликтов в современной России, нами была разработана и апробирована следующая методика.

Инструкция. Не секрет, что в современном российском обществе существуют, к сожалению, конфликтные отношения между различными его группами. Вам предлагается перечень из 16 таких конфликтов. Пожалуйста, проранжируйте эти конфликты по двум основаниям:

1. Как бы Вы расположили их по степени остроты выраженности. На первое место поставьте наиболее острый с вашей точки зрения конфликт. Далее располагайте их по мере убывания таким образом, чтобы на 16-ом месте оказался наименее острый с вашей точки зрения конфликт.

2. Как бы Вы расположили их по степени возможности решения. На первое место поставьте наиболее решаемый с вашей точки зрения конфликт. Далее располагайте их по мере убывания таким образом, чтобы на 16 месте оказался наименее решаемый с вашей

точки зрения конфликт.

Перечень конфликтов, предлагавшихся студентам для ранжирования по этим 2 основаниям.

1. Между богатыми и бедными.
2. Между русскими и нерусскими.
3. Между местными и не местными.
4. Между патриотами и антипатриотами (гражданами мира).
5. Между кавказцами и русскими.
6. Между русскими и евреями.
7. Между христианами и мусульманами.
8. Между честными людьми и ловкачами–мошенниками.
9. Между трудолюбивыми и иждивенцами–паразитами.
10. Между либералами и коммунистами.
11. Между демократами и сталинистами.
12. Между натуралами и сексуальными меньшинствами (ЛГБТ).
13. Между талантливыми и заурядными, посредственными.
14. Между городскими и сельскими жителями.
15. Между молодыми и пожилыми.
16. Между властью и населением.

Обследование проводилось на студентах гуманитариях, обучающихся на различных факультетах Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). В целях повышения удобства количественного анализа полученных результатов, мы переводили присваиваемые студентами ранговые места в баллы, по следующему простому правилу: 17 — №, где № — ранговое место присвоенное остроте данного конфликта или возможности его решения. Таким образом, конфликт, поставленный студентами на 1 место получал наивысший балл — 16, а конфликт, поставленный студентами на последнее 16 место, получал соответственно минимальный балл — 1.

Полученные исходные результаты можно представить в виде Таблиц 1–2.

Таблица 1.

ОСТРОТА КОНФЛИКТА (В БАЛЛАХ), СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ОБСЛЕДОВАННОЙ ГРУППЫ

<i>№ конфликта</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
<i>Острота в баллах</i>	10,4	11,7	10,7	8,9	13,3	8,1	10	8,9
<i>№ конфликта</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>	<i>15</i>	<i>16</i>
<i>Острота в баллах</i>	7,2	8,5	7,0	6,5	4,8	6,5	5,2	9,9

Таблица 2.

РЕШАЕМОСТЬ КОНФЛИКТА (В БАЛЛАХ),
 СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ОБСЛЕДОВАННОЙ ГРУППЫ

<i>№ конфликта</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
<i>Решаемость в баллах</i>	7,0	8,0	9,2	9,6	7,4	7,8	7,5	9,3
<i>№ конфликта</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>13</i>	<i>14</i>	<i>15</i>	<i>16</i>
<i>Решаемость в баллах</i>	9,3	8,3	8,2	9,2	10,8	10,3	10,5	6,0

Как видно из Таблиц 1–2, представление студентов об остроте конфликтов между различными группами современного российского общества (из предложенного списка) можно представить следующим образом.

<i>1. Наиболее острые конфликты:</i> 1. Между кавказцами и русскими 2. Между русскими и нерусскими 3. Между местными и не местными 4. Между богатыми и бедными	<i>2. Весьма острые конфликты:</i> 1. Между христианами и мусульманами 2. Между властью и населением 3. Между патриотами и антипатриотами (гражданами мира) 4. Между честными людьми и ловкачами-мошенниками
<i>3. Не слишком острые конфликты</i> 1. Между либералами и коммунистами 2. Между русскими и евреями 3. Между трудолюбивыми и иждивенцами-паразитами 4. Между демократами и сталинистами	<i>4. Наименее острые конфликты</i> 1. Между городскими и сельскими жителями 2. Между натуралами и сексуальными меньшинствами (ЛГБТ) 3. Между молодыми и пожилыми 4. Между талантливыми и заурядными, посредственными

Аналогичным образом, из полученных таблиц можно сформулировать представление студентов о возможности решения (решаемости) конфликтов между различными группами современного российского общества (из предложенного списка).

<i>1. Наиболее решаемые конфликты</i> 1. Между талантливыми и заурядными, посредственными 2. Между молодыми и пожилыми 3. Между городскими и сельскими жителями 4. Между патриотами и антипатриотами (гражданами мира)	<i>2. Весьма успешно решаемые конфликты</i> 1. Между честными людьми и ловкачами-мошенниками 2. Между трудолюбивыми и иждивенцами-паразитами 3. Между местными и неместными 4. Между натуралами и сексуальными меньшинствами (ЛГБТ)
<i>3. Не слишком успешно решаемые конфликты</i> 1. Между либералами и коммунистами 2. Между демократами и сталинистами 3. Между русскими и нерусскими 4. Между русскими и евреями	<i>4. Наименее решаемые конфликты</i> 1. Между христианами и мусульманами 2. Между кавказцами и русскими 3. Между богатыми и бедными 4. Между властью и населением.

Соотнесение этих результатов позволяет охарактеризовать каждый из 16 конфликтов одновременно с точки зрения его остроты и возможности решения в современном российском обществе в том виде, как это представляется обследованным студентам.

1. Конфликт между богатыми и бедными — наиболее острый (4) и наименее решаемый (15); разность (4–15 = –11).

2. Конфликт между русскими и нерусскими — наиболее острый (2) и не слишком успешно решаемый (11); разность (–9).

3. Конфликт между местными и неместными — наиболее острый (3) и весьма успешно решаемый (7); разность (–4).

4. Конфликт между патриотами и антипатриотами (гражданами мира) — весьма острый (7) и наиболее решаемый (4); разность (+3).

5. Конфликт между кавказцами и русскими — наиболее острый (1) и наименее решаемый (14); разность (–13).

6. Конфликт между русскими и евреями — не слишком острый (10) и не слишком успешно решаемый (12); разность (–2).

7. Конфликт между христианами и мусульманами — весьма острый (5) и наименее решаемый (13); разность (–8).

8. Конфликт между честными людьми и ловкачами-мошенниками — весьма острый (8)

и весьма успешно решаемый (5); разность (+3).

9. Конфликт между трудолюбивыми и иждивенцами–паразитами — не слишком острый (11) и весьма успешно решаемый (6); разность (+5).

10. Конфликт между либералами и коммунистами — не слишком острый (9) и не слишком успешно решаемый (9); разность (0).

11. Конфликт между демократами и сталинистами — не слишком острый (12) и не слишком успешно решаемый (10); разность (+2).

12. Конфликт между натуралами и сексуальными меньшинствами (ЛГБТ) — наименее острый (14) и весьма успешно решаемый (8) Разность (+6).

13. Конфликт между талантливыми и заурядными, посредственными — наименее острый (16) и наиболее решаемый (1); разность (+15).

14. Конфликт между городскими и сельскими жителями — наименее острый (13) и наиболее решаемый (3); разность (+10).

15. Конфликт между молодыми и пожилыми — наименее острый (15) и наиболее решаемый (2); разность (+13).

16. Конфликт между властью и населением — весьма острый (6) и наименее решаемый (16); разность (-10).

На основании данной процедуры представляется возможным расположить перечисленные конфликты в последовательности, по совокупным показателям воспринимаемой студентами их остроты и решаемости. Этот обобщенный показатель мы обозначили как *драматизм конфликта*. Логика здесь такова: чем более острым и менее решаемым с точки зрения студентов является данный общественный конфликт, тем более драматичным он воспринимается. Напротив, чем менее острым и более решаемым оценивают студенты некий конфликт, тем менее драматичным является его восприятие. Итак, с точки зрения обследованных нами студентов-гуманитариев, предложенные им 16 общественных конфликтов в современной России расположились по степени своего драматизма (от наиболее отрицательных к наиболее положительным значениям) следующим образом:

1. Конфликт между кавказцами и русскими. Показатель драматизма (-13), наиболее острый и наименее решаемый.

2. Конфликт между богатыми и бедными. Показатель драматизма (-11), наиболее острый и наименее решаемый.

3. Конфликт между властью и населением. Показатель драматизма (-10), весьма острый и наименее решаемый.

4. Конфликт между русскими и нерусскими. Показатель драматизма (-9), наиболее острый и не слишком успешно решаемый.

5. Конфликт между христианами и мусульманами. Показатель драматизма (-8), весьма острый и наименее решаемый.

6. Конфликт между местными и неместными. Показатель драматизма (-4), наиболее острый и весьма успешно решаемый.

7. Конфликт между русскими и евреями. Показатель драматизма (-2), не слишком острый и не слишком успешно решаемый.

8. Конфликт между либералами и коммунистами. Показатель драматизма (0), не слишком острый и не слишком успешно решаемый.

9. Конфликт между демократами и сталинистами. Показатель драматизма (+2), не слишком острый и не слишком успешно решаемый.

10. Конфликт между патриотами и антипатриотами (гражданами мира). Показатель

драматизма (+3), весьма острый и наиболее решаемый.

11. Конфликт между честными людьми и ловкачами–мошенниками. Показатель драматизма (+3), весьма острый и весьма успешно решаемый.

12. Конфликт между трудолюбивыми и иждивенцами–паразитами. Показатель драматизма (+5), не слишком острый и весьма успешно решаемый.

13. Конфликт между натуралами и сексуальными меньшинствами (ЛГБТ). Показатель драматизма (+6), наименее острый и весьма успешно решаемый.

14. Конфликт между городскими и сельскими жителями. Показатель драматизма (+10), наименее острый и наиболее решаемый.

15. Конфликт между молодыми и пожилыми. Показатель драматизма (+13), наименее острый и наиболее решаемый.

16. Конфликт между талантливыми и заурядными, посредственными. Показатель драматизма (+15), наименее острый и наиболее решаемый.

Дальнейшее изложение и анализ полученных результатов мы предполагаем осуществить по следующему плану:

1. Соотнесение воспринимаемой остроты одних конфликтов с остротой других (сопряженность — нейтрализация конфликтов);

2. Соотнесение воспринимаемой решаемости одних конфликтов с решаемостью других (сопряженность — нейтрализация решения конфликтов);

3. Соотнесение воспринимаемой остроты и воспринимаемой решаемости каждого из конфликтов в отдельности (радикальная–благоразумная стратегия решения конфликта);

4. Восприятие конфликтов и отношение к чиновникам, силовикам и олигархам на примере М. Б. Ходорковского.

*Соотнесение воспринимаемой остроты одних конфликтов с остротой других
(сопряженность–нейтрализация конфликтов)*

В качестве примера приведем результаты, касающихся восприятия студентами остроты конфликта, фигурировавшего в списке под №1 — между богатыми и бедными. Из полученных данных видно, что прослеживаются по крайней мере 4 явные связи между восприятием студентами остроты конфликта между богатыми и бедными и восприятием ими остроты других общественных конфликтов в России. В частности, чем более острым воспринимают студенты конфликт между богатыми и бедными, тем более острым им видится конфликт между честными людьми и ловкачами–мошенниками. Напротив, по мере нарастания восприятия остроты конфликта между богатыми и бедными снижается воспринимаемая острота конфликтов между христианами и мусульманами, трудолюбивыми людьми и иждивенцами–паразитами, а также между демократами и сталинистами.

Проанализируем связи, полученные в отношении восприятия остроты межэтнических конфликтов. Видно, что средний уровень восприятия остроты конфликта кавказцы–русские последовательно ассоциируется с высоким уровнем восприятия остроты конфликта богатые–бедные. Однако по мере нарастания восприятия остроты конфликта кавказцы–русские, острота конфликта богатые–бедные как бы отходит на второй план. Можно констатировать, что среди обследованной нами группы студентов выделяются как бы 2 подгруппы. Одна склонна весьма жестко связывать свое восприятие остроты конфликта между кавказцами и русскими с восприятием остроты конфликта между богатыми и бедными при сравнительно невысоких показателях этой интенсивности. Другая, в аналогичной ситуации, фиксирует свое внимание, прежде всего, на восприятии остроты конфликта богатые–бедные. Однако

при переходе от средних к высоким показателям, особенности восприятия у этих двух подгрупп сближаются и для них все в большей степени на первый план выходит острота конфликта между кавказцами и русскими.

Из полученных результатов видно, что прослеживаются 3 явные обратные связи между воспринимаемой остротой конфликта русские–нерусские с одной стороны и следующей группой конфликтов: либералы–коммунисты, талантливые–заурядные, посредственные, городские–сельские жители. Таким образом, чем более острым воспринимают студенты конфликт между русскими и нерусскими, тем менее острыми с их точки зрения являются конфликты между либералами и коммунистами, талантливыми и посредственными людьми, а также между городскими и сельскими жителями. Напротив, чем острее они воспринимают конфликт между русскими и нерусскими, тем острее в их глазах выглядит и конфликт между русскими и кавказцами. Из результатов видно также, что существует достаточно заметная прямая связь между остротой восприятия конфликта русские–нерусские и остротой воспринимаемого конфликта между патриотами и антипатриотами (гражданами мира). Таким образом, чем острее оценивается студентами конфликт между русскими и нерусскими, тем более острым они склонны воспринимать и конфликт между патриотами и антипатриотами. Следовательно, обострение восприятие межэтнического конфликта ассоциируется с одновременным обострением восприятия некоторых других конфликтов и с одновременным снижением остроты восприятия других. Напомним, что согласно представлениям Л. Козера, изложенным в водной части [4], общество пронизано множеством конфликтов и при этом обострение одних из них с неизбежностью приводит к снижению актуальности других. Отталкиваясь от этих теоретических представлений, мы разделили анализируемые нами конфликты на «сопряженные» и «нейтрализующие». Первые находятся в прямой зависимости друг от друга. Чем более интенсивным воспринимается один из конфликтов такой пары, тем более острым воспринимается и другой. Напротив, «нейтрализующие» конфликты существуют как бы в противофазах и маскируют друг друга. Соответственно, чем интенсивнее восприятие одного из них, тем менее выпукло проявляется другой. Аналогичным образом решение одного конфликта либо содействует решению другого «сопряженность», либо нейтрализует усилия по его решению «нейтрализация». Таким образом, мы видим, что наиболее явными «сопряженными» конфликтами по отношению к конфликту между русскими и нерусскими являются конфликты между русскими и кавказцами и между патриотами и антипатриотами. Напротив, наиболее «нейтрализующее» воздействие на этот конфликт оказывают конфликты между талантливыми и заурядными людьми, между либералами и коммунистами, а также между городским и сельским населением. В значительной мере «нейтрализующими» по отношению к конфликту между русскими и нерусскими являются конфликты между честными людьми и ловкачами–мошенниками, а также трудолюбивыми и иждивенцами–паразитами. Обострение их восприятия приводит к снижению остроты восприятия конфликта между русскими и нерусскими.

Несколько специфическую группу межэтнических конфликтов составляет конфликт между русскими и евреями. Видно, что в данном случае вся совокупность обследованных студентов как бы распадается на две части. Одна ассоциирует обострение восприятия конфликта между русскими и евреями с низкой интенсивностью конфликта между русскими и нерусскими. Другая — напротив, усматривает прямую связь остроты этих конфликтов. Интересно отметить, что низкие показатели конфликтности отношений между русскими и евреями явно ассоциируются со средними показателями восприятия остроты конфликта русские-нерусские. Таким образом, своеобразное «расщепление» точек зрения происходит

именно при рассмотрении условий высокой интенсивности конфликта между русскими и евреями. Одни студенты интерпретируют его как органическую часть более общего конфликта между русскими и нерусскими (по аналогии с кавказцами). Другие рассматривают конфликт между евреями и русскими как напротив, «нейтрализующий» по отношению к другим межэтническим конфликтам в которые вовлечены русские.

К числу сопряженных, по отношению к конфликту русские–нерусские может быть отнесен конфликт между христианами и мусульманами. Причем особенно ярко его сопряженность обнаруживается при средних и низких показателях остроты восприятия данного конфликта. Следовательно, чем менее острым воспринимают студенты конфликт между христианами и мусульманами, тем более определенно они осмысливают его в контексте межэтнического конфликта русские–нерусские. Однако при высоких показателях остроты оценки этот конфликт приобретает относительно большую самостоятельность, хотя в целом продолжает ассоциироваться студентами с интенсивностью межэтнических конфликтов.

Подводя итог данного фрагмента можно констатировать, что в число сопутствующих и сочетающихся с конфликтом русские–нерусские в восприятии студентов входят конфликты: кавказцы–русские, патриоты–антипатриоты, христиане–мусульмане, а также местные–неместные. Отчасти сходен по своей конфигурации с конфликтом христиане–мусульмане конфликт власть–население. При низких уровнях воспринимаемой конфликтности между властью и населением, эта конфликтность ставится в прямую зависимость от остроты конфликта между русскими и нерусскими. Однако, при высоких показателях этот конфликт ассоциируется скорее со средним уровнем межэтнического конфликта.

*Соотнесение воспринимаемой решаемости одних конфликтов с решаемостью других
(сопряженность–нейтрализация решения конфликтов)*

Рассмотрим результаты анализа связей между решаемостью конфликта между богатыми и бедными и решаемостью остальных 15 конфликтов. Из полученных результатов видно, что выявляются 1 прямая и 2 обратные связи. Имеет место прямая связь между решаемостью конфликта между богатыми и бедными и решаемостью конфликта между честными людьми и ловкачами–мошенниками. Интересно отметить, что и острота восприятия этих конфликтов с точки зрения обследованных студентов находится в прямой связи. Это позволяет предположить, что в сознании студентов конфликт богатые–бедные и честные люди — ловкачи–мошенники тесно связаны друг с другом. Соответственно и решение этих конфликтов весьма тесно увязывается студентами. Напомним, что конфликт богатые–бедные осознается студентами как гораздо более драматичный (2-е ранговое место), чем конфликт между честными и мошенниками (11-е ранговое место). Если первый квалифицируется как наиболее острый и наименее решаемый, то второй как весьма острый и весьма успешно решаемый. Есть основания думать, что как острота, так и решаемость конфликта между честными людьми и мошенниками, по мнению студентов предопределяется остротой и решаемостью конфликта между богатыми и бедными. Далее обнаруживается достаточно явная обратная связь между решаемостью конфликта богатые–бедные и решаемостью конфликтов демократы–сталинисты и патриоты–антипатриоты. Следовательно, с точки зрения студентов, чем более решаемым является конфликт между богатыми и бедными, тем меньше шансов на успешное разрешение конфликтов между демократами и сталинистами, а также патриотами и антипатриотами. Во всяком случае таким образом ситуация представлена в сознании студентов. Снова сопоставим эти результаты с полученными в отношении воспринимаемой остроты рассматриваемых нами конфликтов. Как мы видим, острота конфликта между демократами и сталинистами также находится в

обратной связи с остротой конфликта между богатыми и бедными. Следовательно, эти два конфликта в сознании студентов существуют как взаимно нейтрализующие как в отношении остроты, так и в отношении решаемости. Чем более острым и решаемым воспринимается один, тем соответственно менее острым и менее решаемым воспринимается другой. Каждый из них фокусируя на себе внимание общества, переключает его со своего так сказать конфликта-оппонента, подменяет его. При этом конфликт между демократами и сталинистами существенно менее драматичен (9 ранговое место), чем конфликт между богатыми и бедными. Он воспринимается студентами как не слишком острый и не слишком хорошо решаемый.

Ситуация в случае конфликта между патриотами и антипатриотами выглядит несколько сложнее. При низких уровнях воспринимаемой остроты он представляется студентам, сопряженным с конфликтом между богатыми и бедными. Однако высокие уровни восприятия остроты конфликта между патриотами и антипатриотами ассоциируются со снижением воспринимаемой остроты конфликта между богатыми и бедными. Следовательно, с точки зрения студентов, при небольшом росте остроты конфликта между богатыми и бедными острота конфликта между патриотами и антипатриотами также растет. Решаемость же этих двух конфликтов, как мы установили — разнонаправлена. Соответственно при дальнейшем росте остроты конфликта между патриотами и антипатриотами он все более становится нейтрализующим по отношению к конфликту между богатыми и бедными, как в отношении остроты, так и в отношении своей решаемости. Таким образом, можно констатировать, что конфликт между демократами и сталинистами в целом, а конфликт между патриотами и антипатриотами при высоких уровнях своей остроты и решаемости противостоят в сознании студентов конфликту между богатыми и бедными. Причем конфликт между патриотами и антипатриотами оценивается студентами как менее драматичный по сравнению с конфликтом между демократами и сталинистами. Хотя студенты и квалифицируют его как весьма острый, вместе с тем он представляется им и наиболее решаемым. Следовательно, можно ожидать, что именно он чаще и успешнее может быть использован на практике в качестве отвлекающего от конфликта между богатыми и бедными.

Из полученных результатов видно сходство конфигураций связей между решаемостью конфликта богатые–бедные с одной стороны и решаемостью конфликтов местные–неместные, кавказцы–русские и христиане–мусульмане с другой стороны. Везде наблюдается деление студентов на 2 подгруппы. Одна усматривает прямую связь решаемости перечисленных конфликтов с решаемостью конфликта богатые–бедные при низких уровнях решаемости и обратную — при высоких. Соответственно вторая подгруппа наоборот, склонна связывать напрямую решаемость перечисленных конфликтов при высоких показателях решаемости и усматривать обратную связь при низких. Примечательно, что как минимальную, так и максимальную решаемость конфликтов между местными и неместными, кавказцами и русскими, христианами и мусульманами студенты ассоциируют со средними показателями решаемости конфликта между богатыми и бедными. Следовательно, одна часть студентов полагает, что средние уровни решаемости перечисленных конфликтов ассоциируются с максимальным уровнем решаемости конфликта между богатыми и бедными, а другая — напротив, с минимальным его уровнем. Эти две группы могут быть фактически противопоставлены друг другу. С одной стороны студенты, которые полагают, что умеренная решаемость конфликта между местными и неместными, кавказцами и русскими, христианами и мусульманами происходит на фоне максимальной решаемости конфликта между богатыми и бедными. С другой, те студенты, которые связывают умеренную решаемость всех этих конфликтов с минимальной решаемостью конфликта

между богатыми и бедными. Другими словами студенты делятся на тех, кто ожидает, что решение конфликта между богатыми и бедными автоматически обеспечит удовлетворительное решение перечисленных трех конфликтов. Другие, напротив, убеждены, что решение конфликта между богатыми и бедными только отвлекает от решения конфликтов между местными и неместными, кавказцами и русскими, а также христианами и мусульманами. Одни видят решение этих конфликтов на фоне решения конфликта между богатыми и бедными, другие — как раз вопреки решению этого одного из наиболее драматичных конфликтов.

Из полученных результатов видно, что очень сходная конфигурация наблюдается в отношении решаемости конфликтов между русскими и евреями с одной стороны и талантливыми и заурядными с другой. При низкой решаемости, возможность решения этих конфликтов ассоциируется с высокой решаемостью конфликта между богатыми и бедными. Напротив, средние и высокие уровни решаемости этих двух конфликтов ассоциируются с низкими уровнями решаемости конфликта между богатыми и бедными. Таким образом, решаемость этих двух конфликтов с точки зрения студентов находится как бы в противофазе по отношению к решаемости конфликта между богатыми и бедными. В этой логике, чем меньше будет возможностей для решения конфликта между богатыми и бедными, тем успешнее будут разрешаться противоречия между русскими и евреями, а также талантливыми и заурядными людьми. Несколько упрощая ситуацию, можно, таким образом сформулировать нечто вроде полит-технологического рецепта: искусственно обостряя конфликт между богатыми и бедными можно существенно разрядить конфликт между русскими и евреями, а также талантливыми и заурядными людьми. Можно сделать допущение, что в основе обнаруженной тенденции лежат обыденные смысловые стереотипы: евреи — талантливые, русские — заурядные. При этом, как уже отмечалось, конфликт богатые–бедные является одним из наиболее драматичных, в то время как конфликт между талантливыми и заурядными людьми наименее драматичен. Конфликт между русскими и евреями занимает по этой характеристике промежуточное положение. Следовательно, решение менее драматичных конфликтов способно компенсировать трудности в решении одного из наиболее драматичных.

Анализ полученных результатов показывает наличие еще одной пары конфликтов, вписывающихся в уже обозначенную тенденцию. По отношению к решаемости конфликта между богатыми и бедными таковыми являются конфликты между либералами и коммунистами, а также между натуралами и представителями ЛГБТ. При низких уровнях решаемости этих конфликтов их решаемость обратно связана с решаемостью конфликта между богатыми и бедными. Чем лучше решается конфликт между богатыми и бедными, тем хуже решаются конфликты между либералами и коммунистами, а также между натуралами и представителями сексуальных меньшинств. Однако при средних и высоких уровнях решаемости этих конфликтов, решаемость начинает напрямую быть связанной с решаемостью конфликта между богатыми и бедными. По крайней мере оптимальным уровнем для высокой решаемости перечисленных двух конфликтов становится средний уровень решаемости конфликта между богатыми и бедными. Интересно при этом отметить, что данные конфликты имеют также очень сходную конфигурацию связей оценки своей остроты с остротой конфликта богатые–бедные. При низких показателях — это прямая связь, а при высоких она становится обратной. Максимальным уровням оценки остроты конфликтов между либералами и коммунистами, а также между натуралами и сексуальными меньшинствами соответствует минимальная оценка остроты конфликта между богатыми и бедными. Следовательно, при благоразумном отношении к конфликту богатые–бедные

происходит (по крайней мере, в оценках студентов) обострение конфликтов между либералами и коммунистами и натуралами и представителями ЛГБТ. Но именно такое обострение создает благоприятные предпосылки для решения этих конфликтов. Хотя конфликт между либералами и коммунистами воспринимается существенно более драматичным (8 ранговое место) по сравнению с конфликтом между натуралами и ЛГБТ (13 ранговое место), однако общая конфигурация, как связи остроты, так и решаемости по отношению к конфликту между богатыми и бедными явно бросается в глаза. Нейтрализовать, заместить драматичный конфликт между богатыми и бедными можно сместив внимание с него на менее драматичные конфликты между либералами и коммунистами а также между натуралами и представителями сексуальных меньшинств. Вновь просматривается обыденная смысловая ассоциация, которую нередко обозначают термином «либерасты». Заместить решение более фундаментального конфликта между богатыми и бедными можно, как показывают результаты, сместив общественное внимание и искусственно обострив конфликт между так сказать представителями традиционных взглядов (одновременно и социальных и сексуальных) и носителями нетрадиционных для России как социальных, так и сексуальных установок.

Весьма своеобразная связь обнаруживается между решаемостью конфликта между богатыми и бедными и конфликта между трудолюбивыми и ловкачами–мошенниками. При относительно низких показателях решаемости имеет место обратная связь между ними. То есть, чем ниже решаемость конфликта между богатыми и бедными, тем успешнее с точки зрения обследованных студентов решается конфликт между трудолюбивыми людьми и иждивенцами–паразитами. Однако при переходе к средним уровням решаемости этих конфликтов мнения студентов разделяются. Одна подгруппа продолжает усматривать обратную связь и полагать, что чем хуже решаемость конфликта между богатыми и бедными, тем успешнее будет решаться конфликт между трудолюбивыми людьми и иждивенцами–паразитами. Таким образом противопоставление трудолюбие — паразитизм рассматривается в качестве смысловой альтернативы, нейтрализующей противопоставление богатых и бедных. Внимание переключается с результата, на один из этических аспектов человеческих взаимоотношений. С такой точки зрения богатство и бедность этически нейтральные категории, в то время как с точки зрения этих студентов, важнее различать людей по уровню их трудолюбия. Вторая подгруппа — напротив, считает, что решаемость обоих этих конфликтов связана между собой. Решая более драматичный конфликт между богатыми и бедными общество одновременно решает и менее драматичный конфликт между трудолюбивыми людьми и склонными к паразитизму. Важно при этом осознавать, что ситуация в данном случае является двусмысленной. С одной стороны возможен вариант интерпретации который хорошо иллюстрируется строкой из «Интернационала»: «... лишь мы работники всемирной великой армии труда владеть землей имеем право, а паразиты никогда». Однако возможен и диаметрально противоположный подход к осмыслению данного конфликта. Он собственно и обосновывается в классической работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». На обыденном уровне такой подход подразумевает, что ленивые и глупые «халявщики» завидуют умным, трудолюбивым и успешным людям, добившимся в этой жизни успеха и материального процветания. В этом случае представляется своевременным напомнить заповедь «Не завидуй», а также присоединиться к предложению некоторых успешных бизнесменов, высказываемому в адрес рядовых граждан: «Вы жалуетсяе на бедность, а вы не пробовали просто пойти и поработать?»

Связь между решаемостью конфликта между молодыми и пожилыми и конфликта между богатыми и бедными выглядит следующим образом. Как низкая, так и высокая решаемость данного конфликта ассоциируется со средней решаемостью конфликта между богатыми и бедными. Однако средняя решаемость конфликта между поколениями ассоциируется с низкой решаемостью конфликта между богатыми и бедными. Это наводит на мысль, что при средних значениях решаемости конфликт между молодым и старшим поколениями чаще всего воспринимается студентами в качестве нейтрализующего конфликт между богатыми и бедными. Если обратить внимание на соотношение воспринимаемой остроты этих конфликтов, то видно, что эта острота находится как бы в противофазе. Таким образом средней остроте конфликта между молодыми и пожилыми соответствует максимальная острота конфликта между богатыми и бедными. В свою очередь средней решаемости конфликта между молодыми и пожилыми соответствует минимальная решаемость конфликта между богатыми и бедными. Если объединить эти факты, то получается, что средним уровням остроты и решаемости конфликта молодые – пожилые соответствует наиболее драматичная ситуация конфликта богатые–бедные. Таким образом конфликт между поколениями может в определенных условиях выполнять переключающую функцию по отношению к конфликту между богатыми и бедными.

В чем-то сходная и даже более отчетливая конфигурация связей между решаемостью конфликтов имеет место в случае соотнесения конфликта богатые–бедные с конфликтом городские–сельские жители. Видно, что при низких уровнях решаемости конфликта между городскими и сельскими жителями обнаруживается обратная ее связь с решаемостью конфликта между богатыми и бедными. Следовательно, чем успешнее решаемость конфликта между городскими и сельскими жителями, тем хуже и труднее с точки зрения студентов решается конфликт между богатыми и бедными. Однако при переходе к высоким показателям решаемости этих конфликтов, картина меняется на прямо противоположную. Высокие показатели решаемости конфликта город–село ассоциируются с высокими уровнями решаемости конфликта между богатыми и бедными. Следовательно высокая решаемость конфликта между городом и селом начинает осознаваться студентами как компонент успешной решаемости конфликта между богатыми и бедными.

Несколько более сложный вид имеет связь между решаемостью конфликта богатые — бедные и конфликта власть — население. Из полученных результатов видно, что при низких уровнях решаемости этих конфликтов студенты делятся на 2 подгруппы. Одна склонна связывать низкую и среднюю решаемость конфликта между властью и населением с максимальным уровнем решаемости конфликта между богатыми и бедными. Другая — напротив, ассоциирует улучшение решаемости конфликта между властью и населением с очевидным прогрессом в деле решения конфликта между богатыми и бедными. Но вот как раз высокие показатели решаемости конфликта между властью и населением большинство студентов все же склонны ассоциировать со средними и высокими уровнями решаемости конфликта между богатыми и бедными. Таким образом, наиболее поляризованными точки зрения студентов оказываются при средней оценке возможности решения конфликта власть–население. Одни считают, что она ассоциируется с низкой, а другие, напротив — с высокой решаемостью конфликта между бедными и богатыми. Если охарактеризовать выявленные тенденции в целом, то можно констатировать, что низкую решаемость конфликта между властью и населением студенты ассоциируют с низкой решаемостью конфликта между богатыми и бедными. Высокую — со средней и высокой решаемостью конфликта между богатыми и бедными. Но вот при средней оценке решаемости конфликта между властью и населением оценки студентов резко поляризуются. При этом оба этих конфликта субъективно

воспринимаются студентами как одни из наиболее драматичных для современного российского общества. Их решение также оказывается достаточно сопряженным, хотя картина и не является абсолютно однозначной и простой. При этом конфликт между богатыми и бедными воспринимается студентами все же более остро, чем конфликт между властью и населением.

*Соотнесение воспринимаемой остроты и воспринимаемой решаемости
каждого из конфликтов в отдельности
(радикальная–благоразумная стратегия решения конфликта)*

Рассмотрим последовательно данные относительно связей между остротой и решаемостью [5–6] всех 16 конфликтов, предлагавшихся студентам для процедуры ранжирования.

1. Конфликт между богатыми и бедными. Как видно из полученных результатов, низкие уровни решаемости данного конфликта ассоциируются с увеличением его воспринимаемой остроты. Однако, наиболее высокие показатели решаемости конфликта между богатыми и бедными связываются студентами с последовательным снижением его воспринимаемой остроты. Следовательно, можно констатировать, что сначала обнаруживается прямая связь между воспринимаемой остротой и решаемостью конфликта богатые–бедные, однако при достижении средних уровней воспринимаемой решаемости, тенденция меняет свой знак. В результате высокая решаемость данного конфликта последовательно ассоциируется с максимальным снижением его остроты. Таким образом, в разумных пределах студенты увязывают решаемость данного конфликта с его драматизацией. Однако, в конечном счете, радикальные тенденции сменяются благоразумными и студенты все более убеждены, что этот один из наиболее драматичных конфликтов может быть решен лишь при условии снижения его остроты и с использованием исключительно цивилизованных методов.

2. Конфликт между русскими и нерусскими. Обнаруживается, что при низких уровнях оценки решаемости данного конфликта наблюдается явная обратная связь между его остротой и решаемостью. Однако четких связей высокой решаемости с каким-то определенным уровнем восприятия остроты данного конфликта не наблюдается. Следовательно, при относительно низких уровнях воспринимаемой решаемости, студенты склонны демонстрировать благоразумную стратегию по отношению к данному конфликту. Однако, в то время как определенная часть студентов продолжает считать, что снижение остроты данного конфликта способствует его успешному решению, весьма значительная часть придерживается существенно более радикальных взглядов. Они полагают, что успешное решение конфликта между русскими и нерусскими возможно в том случае, если его острота будет приближена к максимальной. Таким образом, мы видим, что здесь достаточно отчетливо проявляются тенденции к радикальным способам решения конфликта, быстрым и одновременно связанным с насильственными действиями. При этом в целом конфликт между русскими и нерусскими воспринимается студентами как менее драматичный, чем конфликт между богатыми и бедными (4 место против 2). Если они, как правило, склонны квалифицировать конфликт между богатыми и бедными как наиболее острый и наименее решаемый, то конфликт между русскими и нерусскими как наиболее острый и не слишком успешно решаемый. Вероятно, поэтому часть студентов считает оправданным в случае конфликта между русскими и нерусскими идти на его обострение в целях более успешного решения.

3. Конфликт между местными и неместными. В целом низкая решаемость данного конфликта наиболее устойчиво ассоциируется с низкой оценкой его остроты. Наиболее

оптимальным уровнем остроты данного конфликта для его успешного решения, студенты считают средний уровень. Следовательно в данном случае студенты придерживаются умеренно радикальной стратегии. Причем подобный радикализм нарастает при переходе к высоким оценкам решаемости данного конфликта. Этот конфликт квалифицируется студентами как наиболее острый и весьма успешно решаемый и при этом занимает 6-ую ранговую позицию по степени своего драматизма. Таким образом, он уступает в этом отношении конфликтам между богатыми и бедными, а также русскими и нерусскими. Причем можно констатировать, что чем менее драматичным воспринимают студенты конфликт, тем более они психологически готовы обострять его в целях достижения решения.

4. Конфликт между патриотами и антипатриотами (гражданами мира). Из полученных результатов видно, что при низких уровнях воспринимаемой решаемости данного конфликта студенты как бы делятся на 2 подгруппы. Одна усматривает прямую связь решаемости конфликта с его остротой. Другая, напротив, склонна полагать, что чем менее острым будет данный конфликт, тем успешнее могут быть найдены способы его решения. Но при переходе к высоким показателям решаемости данного конфликта практически все студенты увязывают повышение его решаемости со снижением остроты. Следовательно, высокую решаемость все студенты склонны в данном случае связывать с благоразумной и цивилизованной стратегией решения данного конфликта. При этом низкие уровни решаемости данного конфликта интерпретируются студентами по-разному. Одни уверены в том, что чем острее этот конфликт, тем меньше оснований для его успешного решения. Другие, напротив, полагают, что в разумных пределах повышение остроты играет благотворную роль, а низкая острота данного конфликта скорее приведет к неудаче в его решении и превращении этого конфликта в хронический, тлеющий. Таким образом, они допускают, что низкая решаемость конфликта между патриотами и антипатриотами (гражданами мира) может объясняться тем, что в обществе этому конфликту уделяется недостаточно внимания, его игнорируют. Этот конфликт студенты воспринимают как весьма острый и при этом наиболее решаемый (10 ранговое место по оценке драматизма).

5. Конфликт между кавказцами и русскими. Как показывают полученные результаты, средние уровни решаемости данного конфликта студенты стабильно ассоциируют со средним уровнем оценки его остроты. Таким образом, средняя острота данного конфликта служит, с их точки зрения, оптимальным фоном для умеренных уровней его решаемости. Далее мнения студентов начинают расходиться. Одни предпочитают радикальную стратегию и по их мнению, чем более острым будет конфликт между чем более острым будет конфликт между кавказцами и русскими, тем более успешно он будет разрешен. Напротив, значительная часть студентов уверена, что только минимизация остроты конфликта может послужить благоприятным фоном для его решения. Вообще этот конфликт занимает 1 место по степени драматизма и оценивается студентами как наиболее острый и наименее решаемый из всех 16, предложенным им для ранжирования. В таком случае наиболее выпукло обнаруживается радикальность установок тех студентов, которые склонны искать решение данного конфликта на пути его дальнейшего обострения. Не вызывает сомнений, что при этом подразумевается использование насильственных действий.

6. Конфликт между русскими и евреями. Из полученных данных видно, что низкие уровни решаемости данного конфликта ассоциируются у студентов студентами с восприятием его высокой остроты. Следовательно, студенты придерживаются здесь благоразумной установки и полагают, что чем менее острым будет конфликт между русскими и евреями, тем скорее будут найдены пути его решения. Однако высокие уровни решаемости данного конфликта все более связываются с обострением данного конфликта. При этом они,

правда, не заходят так далеко, как радикальная группа в отношении конфликта между кавказцами и русскими. Тем не менее, им кажется, что умеренное повышение остроты конфликта между русскими и евреями способствовало бы повышению решаемости данного конфликта. Этот конфликт квалифицируется студентами как не слишком острый и не слишком успешно решаемый и уступает в их оценках по своему драматизму конфликтам между кавказцами и русскими, богатыми и бедными, русскими и нерусскими, местными и неместными. Он занимает 7 ранговую позицию по шкале драматизма. Вероятно, поэтому студенты не слишком склонны избегать некоторого обострения данного конфликта во имя его разрешения.

7. Конфликт между христианами и мусульманами. Из полученных данных видно, что средний и высокий уровень решаемости данного конфликта ассоциируется с низкими показателями его остроты. Таким образом студенты убеждены, что решение этого конфликта возможно только на фоне безусловного снижения его остроты. Важно при этом напомнить, что данный конфликт воспринимается студентами как весьма острый и наименее решаемый. Ранговый показатель его драматизма 5. Таким образом, студенты демонстрируют в отношении данного межконфессионального конфликта высокую степень благоразумия и осторожности.

8. Конфликт между честными людьми и ловкачами-мошенниками. Как показывают полученные результаты, при низких уровнях решаемости данного конфликта студенты ставят ее в прямую зависимость от его остроты. Следовательно, при низких уровнях оценок решаемости, по мнению студентов, чем этот конфликт острее, тем выше шансы его успешного урегулирования. Однако при переходе к высоким показателям решаемости тенденция меняется на противоположную. Студенты склонны считать, что необходимо снизить остроту данного конфликта до среднего уровня для того, чтобы оптимизировать его решаемость. Таким образом, при низких уровнях решаемости студенты придерживаются радикальных позиций и считают, что чем острее будет конфликт, тем успешнее будут найдены пути его решения. Однако они все же не готовы окончательно радикализировать это противоречие и благоразумно полагают, что наиболее оптимальным является средний уровень остроты данного конфликта. По уровню своего драматизма этот конфликт занимает достаточно низкое 11 порядковое место. Студенты воспринимают его одновременно и как весьма острый и как весьма успешно решаемый. Интересно отметить, что отношение к данному конфликту оказалось своего рода зеркальным по сравнению с отношением студентов к конфликту между русскими и евреями. В конечном счете в обоих случаях студенты склоняются к тому, что средняя острота конфликта создает наиболее благоприятные условия для его решения. Однако приходят они к этому заключению так сказать противоположными путями. Конфликт между русскими и евреями предполагается сначала максимально притушить, а затем умеренно повысить его остроту. Конфликт между честными людьми и ловкачами-мошенниками — напротив, предлагается максимально обострить, а затем умеренно снизить его остроту до среднего уровня. Субъективное восприятие студентами этих конфликтов, очевидно, сказывается на предпочитаемой стратегии их решения. К русско-еврейскому конфликту, учитывая его культурно-историческую специфику, подходят «с осторожностью», боясь «наломать дров». Напротив, к конфликту между честными людьми и мошенниками подходят как бы намеренно изначально обостряя его, а затем переходя к более благоразумной тактике.

9. Конфликт между трудолюбивыми и иждивенцами-паразитами. Как видно из полученных результатов, просматривается явная обратная связь между решаемостью данного конфликта и его остротой. Чем меньше острота, тем более решаемым воспринимается

данный конфликт студентами. Следовательно в отношении данного конфликта студенты наиболее последовательно придерживаются благоразумной стратегии. Данный конфликт воспринимается ими как не слишком острый и весьма успешно решаемый. Его ранговая позиция по показателю драматизма 12. Таким образом, и сам по себе этот конфликт воспринимается студентами как низко драматичный и стратегия, которую они склонны выбирать для его решения можно охарактеризовать как благоразумную.

10. Конфликт между либералами и коммунистами. Здесь мы также наблюдаем весьма явную обратную связь между решаемостью конфликта и его воспринимаемой остротой. Чем ниже острота данного конфликта, тем, согласно представлениям студентов он может быть успешно разрешен. Хотя данный конфликт воспринимается студентами как более драматичный, чем конфликт между честными людьми и ловкачами–мошенниками (8 ранговое место против 11), тем не менее и в отношении него студенты склонны применять осторожную, благоразумную стратегию. Они не считают целесообразным обострять данный конфликт.

11. Конфликт между демократами и сталинистами. Результаты по данному конфликту демонстрируют весьма своеобразную конфигурацию связей. Судя во всему студенты разделились на 2 подгруппы. Одна усматривает прямую связь между решаемостью данного конфликта и его остротой. Причем среднему и высокому уровню решаемости данного конфликта соответствует его средняя острота. Эти студенты полагают, что разумное обострение данного конфликта должно благотворно сказаться на его решаемости. Другая подгруппа студентов придерживается прямо противоположной точки зрения. По их мнению, низкому и среднему уровню решаемости соответствует высокий уровень остроты данного конфликта. Но для дальнейшего повышения его решаемости, остроту данного конфликта следует снизить до средних величин. В итоге студенты приходят к одному и тому же мнению, согласно которому для решения данного конфликта оптимальным является средний уровень его остроты. Однако они приходят к такому заключению диаметрально противоположными путями. Здесь, как нам кажется, обнаруживается картина, которую мы уже описали выше в отношении конфликтов русские–евреи и честные люди — ловкачи–мошенники. Только она реализуется в рамках одного и того же общественного конфликта. Одна подгруппа студентов демонстрирует «осторожную» благоразумную стратегию и опасается чрезмерного обострения конфликта. Другая, готова экспериментировать весьма смело и радикально, но в итоге считает необходимым снизить остроту противоречий ради их успешного преодоления. В целом данный конфликт воспринимается обследованными студентами как не слишком острый и не слишком успешно решаемый и занимает 9-ую ранговую позицию по своему драматизму и таким образом менее драматичен, чем конфликт между русскими и евреями, хотя и более драматичен, чем конфликт между честными людьми и ловкачами–мошенниками. По крайней мере, именно таким является субъективное восприятие этих конфликтов обследованными студентами.

12. Конфликт между натуралами и представителями сексуальных меньшинств (ЛГБТ). При низких уровнях решаемости данного конфликта студенты усматривают обратную связь между его решаемостью и остротой. При переходе к более высоким уровням решаемости студенты как бы делятся на 2 подгруппы. Одни полагают, что решаемость данного конфликта с какого-то момента начинает напрямую зависеть от его остроты. Поэтому, с их точки зрения, чем острее будет конфликт между натуралами и представителями сексуальных меньшинств, тем успешнее он будет решен. Другая подгруппа — напротив, связывает средние и высокие показатели решаемости данного конфликта с низким уровнем его остроты. В любом случае студенты сходятся на том мнении, что средняя острота данного конфликта наименее

благоприятна для его успешного разрешения, и превращает данный конфликт в затяжной и тлеющий. Эта ситуация чем-то напоминает притчу о «стакане, наполненном до середины». Одни студенты рассматривают «стакан наполовину полным» и считают, что остроту конфликта между натуралами и сексуальными меньшинствами надо увеличить, чтобы его решить. Это радикальная стратегия. Другие — напротив считают, что «стакан наполовину уже пуст» и предлагают максимально снизить конфликтность, проявить осторожность и благоразумие. Вообще этот конфликт относится студентами к числу наименее острых и весьма успешно решаемых. Его ранговое место в шкале драматизма 13 т. е. весьма низкое. У нас нет данных о том, кому в данном конфликте симпатизируют студенты – натуралам или представителям ЛГБТ. Однако в связи с предлагаемыми ими стратегиями можно выдвинуть гипотезу, которая возможно и объясняет поляризацию мнений. Студенты, которые идентифицируют себя с натуралами скорее являются сторонниками радикальной стратегии. Те же, кто симпатизирует представителям сексуальных меньшинств — сторонниками благоразумной, осторожной и щадящей стратегии.

13. Конфликт между талантливыми и заурядными, посредственными. Обнаруживается весьма явная обратная связь между восприятием студентами остроты данного конфликта и степени его решаемости. Студенты полагают, что чем менее острым будет конфликт между талантливыми и заурядными людьми, тем более успешно он будет решаться. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с вполне адекватной и благоразумной установкой. Следует отметить, что в субъективном восприятии студентов этот конфликт является наименее острым и наиболее решаемым, а также занимает самое низкое место по показателю драматизма — 16 место. Здесь нам представляется важным обратить внимание на следующую деталь. В прессе, характеризующейся критической направленностью в отношении нынешней власти очень часто говорится в том, что в современной России отсутствуют благоприятные условия для самореализации талантливых, инициативных людей и поэтому они вынуждены эмигрировать на Запад, создавая так называемую «утечку мозгов». Однако, если судить по полученным результатам, то в глазах обследованных студентов ситуация не выглядит такой уж драматичной, что и находит отражение в ее ранговом показателе.

14. Конфликт между городскими и сельскими жителями. В данном случае вновь обнаруживается явная обратная связь между решаемостью конфликта и его остротой. По мнению студентов, чем ниже острота конфликта, тем более благоприятными являются условия для его решения. Как и в предыдущем случае, мы имеем дело с благоразумной стратегией поведения. Данный конфликт с точки зрения студентов также относится к числу наименее драматичных — 14-е ранговое место. Таким образом, можно констатировать, что с точки зрения обследованных студентов конфликт между городом и селом для современной России не слишком актуален. Возможно, что такой мегаполис как Москва при этом как бы выносится за скобки при рассмотрении данной проблемы. В данном случае скорее можно предположить существование конфликтных отношений между Москвой и остальной Россией.

15. Конфликт между молодыми и пожилыми. Как видно из полученных результатов, в целом также проявляется обратная связь между решаемостью данного конфликта и его остротой. Чем менее острым является данный конфликт, по мнению студентов, тем более благоприятны условия для его решения. Следовательно, и в этом конфликте между младшими и старшими поколениями студенты склонны придерживаться все той же благоразумной стратегии. Примечательно, что и этот конфликт воспринимается ими как один из наименее драматичных — 15 ранговое место и таким образом как наименее острый и

наиболее решаемый. Следовательно, обследованные студенты не склонны относить конфликт «отцов и детей» к числу актуальных для современной России. Важно зафиксировать следующую тенденцию, обнаруживающуюся при анализе данного фрагмента результатов. Обращает на себя внимание тот факт, что наименее драматичные конфликты студенты предполагают решать с помощью благоразумных стратегий, в то время как высоко драматичные — зачастую с помощью радикальных, обостряющих конфликт и подразумевающих насильственные действия. Следовательно, можно констатировать своеобразный парадокс: там где в благоразумии и осторожности нет особой нужды, в случае наименее драматичных конфликтов, студенты готовы их проявлять. Напротив, там, где конфликт весьма взрывоопасен и чреват серьезными социальными последствиями, они нередко предпочитают метод «кавалерийской атаки», вариант решения проблемы «одним ударом». Возможно, мы имеем дело в данном случае с более универсальным механизмом, присущим не только студенческой молодежи, но людям вообще. Мало драматичный конфликт не вызывает у людей сильных эмоций и позволяет подходить к его разрешению «с холодной головой». Напротив, интенсивный, взрывоопасный, трудный для разрешения конфликт как бы провоцирует человека дать волю страстям и использовать радикальные средства, рискуя при этом еще более обострить ситуацию. Представляется, что именно такой механизм лежит в основе долговременных, тлеющих общественных конфликтов.

16. Конфликт между властью и населением. Как видно из полученных результатов, при низких уровнях решаемости данного конфликта проявляется обратная связь между его решаемостью и остротой. Таким образом, чем менее острым воспринимается студентами конфликт между властью и населением, тем более благоприятные условия существуют с их точки зрения для его успешного решения. Однако при переходе к высоким показателям остроты восприятия данного конфликта картина достаточно резко меняется. Студенты начинают усматривать прямую связь между остротой конфликта власть — население и возможностью его решения. Таким образом, при низких уровнях восприятия решаемости данного конфликта студенты склонны придерживаться осторожной, благоразумной стратегии, однако по мере повышения уровня воспринимаемой решаемости им все более свойственно переходить к радикальной стратегии — решению конфликта между властью и населением на фоне его обострения. Следует отметить, что обследованные студенты все же ассоциирует максимальную решаемость данного конфликта скорее со средним, а не высоким уровнем его остроты. Можно также отметить, что конфигурация связей в случае конфликта власть–население очень сходна с конфигурацией конфликта русские–евреи. В обоих этих конфликтах, по мере нарастания уверенности студентов в их решаемости имеет место тенденция к радикализации, склонность решать конфликт на фоне его умеренного обострения. При этом конфликт между властью и населением воспринимается студентами как более драматичный, чем конфликт между русскими и евреями (3 ранговое место против 7). Конфликт между властью и населением характеризуется как весьма острый и наименее решаемый, а конфликт между русскими и евреями — как не слишком острый и не слишком успешно решаемый.

*Восприятие конфликтов и отношение к чиновникам, силовикам и олигархам
(на примере М. Б. Ходорковского)*

В число вопросов, предлагавшейся студентам анкеты входил следующий:

Инструкция. Распределите на 4 категории список общественных групп, проживающих в современной России.

а) создают проблемы и решают проблемы, полезны и вредны одновременно

- б) не создают проблем и решают проблемы, безвредные и полезные
 - в) создают проблемы, но не решают проблем, вредные и бесполезные
 - г) не создают проблем и не решают проблем, бесполезные и безвредные одновременно
- Общественные группы, проживающие в современной России*

1. Чиновники
2. Силовики
3. Банкиры
4. Работники науки
5. Работники искусства
6. Служители церкви
7. Иностранцы трудовые мигранты
8. Представители сексуальных меньшинств (ЛГБТ)
9. Инвалиды, пенсионеры
10. Многодетные семьи
11. Политики
12. Работники СМИ, журналисты

Рассмотрим интересующую нас проблематику в связи с результатами, полученными в отношении первых двух социальных групп из приведенного списка — чиновников и силовиков. В данной публикации мы ограничимся анализом данных только по 8 из 16 конфликтов (т. е. половины), содержащихся в предложенном студентам списке.

Конфликт между богатыми и бедными

Низкая острота данного конфликта наиболее ассоциируется с восприятием чиновников либо амбивалентно, либо в качестве абсолютно излишней общественной группы. Студенты, склонные игнорировать конфликт между богатыми и бедными чаще других либо вообще не видят каких-либо общественных последствий в действиях чиновников, либо усматривают в них одновременно и полезные и вредные для общества результаты. При этом видно также, что они никогда не воспринимают чиновников как общественную группу, приносящую обществу пользу и при этом не причиняющую одновременно существенного вреда. Одновременно низкая острота данного конфликта ассоциируется с положительным восприятием силовиков. Студенты, склонные игнорировать конфликт между богатыми и бедными чаще других видят позитивную роль силовиков в российском обществе и во всяком случае не склонны воспринимать их как нечто излишнее и бесполезное.

Средняя оценка остроты конфликта богатые-бедные наиболее ассоциируется с отрицательным отношением к чиновникам. Таким образом, умеренная фиксация студентов на конфликте между богатыми и бедными чаще всего подразумевает, что чиновники воспринимаются ими как, безусловно, вредная группа, не приносящая обществу абсолютно никакой пользы. При этом чиновники никогда не воспринимаются как нечто нейтральное, что свойственно студентам, игнорирующим конфликт между богатыми и бедными. Следовательно чиновники в этом случае всегда находятся в фокусе внимания и как правило вызывают негативное отношение к себе. Средняя острота восприятия конфликта богатые-бедные наиболее ассоциируется с нейтральным отношением к силовикам. Таким образом, умеренная фиксация на конфликте между богатыми и бедными чаще всего проявляется в равнодушном отношении к силовикам. Они при этом воспринимаются как нечто избыточное и бессмысленное. В данном случае силовики как бы выпадают из фокуса внимания, не вызывая к себе ни симпатии, ни враждебности.

Высокая оценка остроты конфликта между богатыми и бедными наиболее ассоциируется либо с позитивным восприятием чиновников, либо с восприятием их как абсолютно нейтральной общественной группы. Следовательно, наиболее обостренное восприятие конфликта между богатыми и бедными наиболее тесно связано с позитивной установкой студентов в отношении чиновничества. С их точки зрения эта общественная группа выполняет полезные функции и во всяком случае не причиняет обществу никакого вреда. Недостатком их деятельности может быть, по мнению студентов только низкая эффективность. Высокая оценка остроты конфликта богатые–бедные наиболее ассоциируется с амбивалентным отношением к силовикам. Причем эта тенденция имеет очень последовательный и определенный вид. При игнорировании конфликта богатые–бедные амбивалентность восприятия силовиков минимальна. Затем, при доминировании безразличия она нарастает. Наконец при максимальной фиксации на остроте конфликта между богатыми и бедными она достигает своего максимума. Следовательно, наиболее обостренное восприятие конфликта между богатыми и бедными сильнее всего связано с амбивалентной установкой студентов в отношении силовиков. Выстраивая общую картину можно сказать, что по мере усиления фиксации студентов на конфликте между богатыми и бедными их отношение к силовикам эволюционирует от безусловно позитивного через нейтральное к амбивалентному.

Конфликт между русскими и нерусскими

Низкая острота восприятия данного конфликта наиболее ассоциируется с нейтральным восприятием чиновников. При этом они никогда не воспринимаются как группа, приносящая пользу обществу. Таким образом студенты, склонные игнорировать конфликт между русскими и нерусскими чаще других воспринимают чиновников как нечто излишнее, избыточное и во всяком случае бесполезное для общества. Низкая острота восприятия конфликта русские–нерусские наиболее ассоциируется с отрицательным отношением к силовикам. Причем студенты никогда не воспринимают их нейтрально, как бессмысленный элемент общества. Таким образом студенты, склонные игнорировать данный конфликт чаще других воспринимают силовиков как приносящих обществу исключительно вред.

Средняя оценка остроты конфликта русские–нерусские также наиболее ассоциируется с нейтральным восприятием чиновников. Однако при этом они достаточно часто могут восприниматься и как приносящие пользу. Следовательно, умеренная фиксация на конфликте между русскими и нерусскими чаще всего подразумевает, что чиновники будут скорее всего восприниматься как нечто бесполезное для общества, однако способные при известных обстоятельствах приносить ему и определенную пользу. Средняя оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с восприятием силовиков как одновременно и полезных и вредных для общества. Таким образом, умеренная фиксация на конфликте между русскими и нерусскими чаще всего подразумевает, что силовики будут восприниматься двойственно, амбивалентно. Следовательно, будут фиксироваться как их полезные, так и вредные функции в обществе.

Высокая оценка остроты конфликта между русскими и нерусскими наиболее ассоциируется с позитивным восприятием чиновников. Интересно отметить, что просматривается отчетливая прямая связь между воспринимаемой остротой конфликта русские–нерусские и позитивной оценкой деятельности чиновников. Чем более игнорируют студенты данный конфликт, тем меньше пользы они усматривают в деятельности чиновничества. Следовательно, чем более значимым для студентов является конфликт между русскими и нерусскими, тем более полезной они склонны воспринимать деятельность

чиновников. При этом они практически отказываются воспринимать чиновников в качестве бесполезных, излишних членов общества. Таким образом, позитивная связь с отказом видеть в чиновничестве бессмысленный элемент общества просматривается даже более явно, чем в случае конфликта между богатыми и бедными. Высокая оценка остроты конфликта между русскими и нерусскими наиболее ассоциируется с нейтральным отношением к силовикам. Можно отметить, что прослеживается отчетливая прямая связь между воспринимаемой остротой конфликта между русскими и нерусскими и нейтральным отношением к силовикам. При этом можно также зафиксировать и аналогичную связь с положительной оценкой силовиков. Следовательно, чем более значимым для студентов становится конфликт между русскими и нерусскими, тем более нейтрально и даже позитивно начинают они относиться к силовикам. Эволюция отношения выглядит следующим образом. Игнорирование конфликта русские–нерусские — негативное и настороженное отношение к силовикам. Умеренная фиксация на конфликте — амбивалентное отношение к силовикам. Максимальная фиксация на остроте данного конфликта — нейтральное и даже положительное отношение к силовикам. Суммируя и несколько упрощая можно сказать, что по мере фиксации студентов на конфликте между русскими и нерусскими, их отношение к чиновникам и силовикам все более улучшается.

Конфликт между местными и неместными

Низкая острота восприятия данного конфликта наиболее ассоциируется с отрицательным отношением к чиновникам. Таким образом, студенты, склонные игнорировать данный конфликт чаще других рассматривают чиновников как группу, приносящую обществу только вред. При этом они никогда не воспринимают их как приносящих пользу, а также и не воспринимают нейтрально. Следовательно, эти студенты наиболее последовательно придерживаются мнения, что в любом случае чиновники являются вредной общественной группой. Низкая острота восприятия конфликта местные–неместные ассоциируется с нейтральным отношением к силовикам. Таким образом, студенты, склонные игнорировать конфликт между местными и неместными (т. е. проблемы, связанные с миграцией) не видят в деятельности силовиков ни позитивной ни негативной функции для общества.

Средняя оценка остроты конфликта между местными и неместными наиболее ассоциируется с позитивным восприятием чиновников. Следовательно умеренная фиксация на конфликте между местными и неместными чаще всего подразумевает отношение к чиновникам как к людям, приносящим своей деятельностью пользу обществу. Средняя оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с амбивалентным и позитивным отношением к силовикам. При этом студенты никогда не рассматривают их в качестве бессмысленной обузы для общества. Следовательно, умеренная фиксация на конфликте между местными и неместными обычно подразумевает существенное улучшение отношения к силовикам. Хотя их роль при этом часто рассматривается как двойственная, сомнений в необходимости данной общественной группы у студентов не возникает.

Высокая оценка остроты конфликта местные–неместные наиболее ассоциируется с нейтральным восприятием чиновников. Таким образом, наиболее обостренное восприятие конфликта между местными и неместными тесно связано с полным игнорированием общественной роли чиновничества как таковой. Следовательно, при переходе от игнорирования к обостренному восприятию конфликта между местными и неместными отношение студентов к чиновникам эволюционирует следующим образом. С первоначально явно негативного оно сменяется весьма позитивным и в конце концов становится

нейтральным. Если при игнорировании данного конфликта студенты усматривают в деятельности чиновников преимущественно один вред, то при повышенном внимании к данному конфликту перестают усматривать какую-либо пользу. Высокая оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется как с амбивалентным, так и с отрицательным отношением к силовикам. Следовательно, максимальная фиксация на данном конфликте заставляет студентов более критично воспринимать деятельность силовиков и более концентрироваться на недостатках в их работе, вредных последствиях этих недостатков для жизни общества. Таким образом, при игнорировании конфликта между местными и неместными у студентов весьма выражены сомнения в целесообразности существования силовиков. При умеренном нарастании фиксации студентов на данном конфликте они начинают относиться к силовикам более позитивно, и, главное полностью отказываются от сомнений в целесообразности их существования. Однако при еще более интенсивной фиксации на остроте конфликта между местными и неместными, студенты все более критично оценивают деятельность силовиков, замечают много негативного в их деятельности.

Конфликт между кавказцами и русскими

Низкая оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с нейтральным отношением к чиновникам. Таким образом, студенты, склонные игнорировать конфликт между кавказцами и русскими чаще других воспринимают существование чиновничества как нечто избыточное, не приносящее обществу ни пользы, ни вреда. Низкая оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с безразличным отношением к силовикам. Таким образом, студенты склонные игнорировать конфликт между кавказцами и русскими, несмотря, на его максимальную актуальность для обследованной выборки в целом, рассматривают силовиков как общественную группу, роль которой не вполне понятна и очевидна.

Средняя оценка остроты данного конфликта также наиболее часто ассоциируется с нейтральным отношением к чиновникам. При этом данная категория студентов никогда не воспринимает их как полезную часть общества. Следовательно, умеренная фиксация на конфликте между кавказцами и русскими фактически ухудшает отношение студентов к чиновникам. Они не только затрудняются усматривать в их деятельности какой-либо смысл, но и отказываются допускать возможность пользы от действий бюрократии. Средняя оценка остроты конфликта между кавказцами и русскими наиболее ассоциируется с негативным отношением к силовикам. Следовательно, умеренная фиксация на конфликте кавказцы – русские связана с восприятием силовиков как преимущественно вредной общественной группы.

Высокая оценка остроты конфликта кавказцы–русские наиболее явно ассоциируется с позитивным восприятием чиновников. При этом студенты теперь уже отказываются воспринимать их как нечто бессмысленное и излишнее для общества. Следовательно наиболее обостренное восприятие конфликта между кавказцами и русскими наиболее тесно связано с позитивным отношением к чиновникам и, по крайней мере, с отстаиванием позиции, что их существование необходимо для общества. Таким образом при переходе от игнорирования к обостренному восприятию конфликта между кавказцами и русскими динамика отношения студентов к чиновникам отличается от той, которая была обнаружена в отношении конфликтов местные — неместные и патриоты–антипатриоты. В случае русско-кавказского конфликта отношение с нейтрального сменяется весьма отрицательным, а затем переходит к достаточно положительному и уважительному. Здесь, возможно имеет значение

то, что конфликт между кавказцами и русскими является с позиции студентов максимально острым и драматичным, в то время как конфликт местные–неместные и в особенности патриоты–антипатриоты не слишком остры и драматичны по мнению студентов. Следовательно обостренное восприятие наиболее драматичного конфликта связано с позитивной оценкой роли чиновников в обществе, с уважительным отношением к их работе. Высокая оценка остроты конфликта кавказцы–русские наиболее ассоциируется с позитивным отношением к силовикам. Кроме того, студенты в данном случае никогда не обнаруживают к ним индифферентного отношения. Видно, что существует явная обратная связь между воспринимаемой остротой конфликта кавказцы–русские и оценкой силовиков в качестве аморфного и бессмысленного элемента общества. Таким образом динамика отношения к силовикам в связи с обострением восприятия данного наиболее актуального российского конфликта такова. По мере повышения воспринимаемой остроты данного конфликта студенты переходят от нейтрального отношения к силовикам к отрицательному, и далее уже к положительному. При относительном игнорировании данного конфликта они игнорируют и роль силовиков. Затем они концентрируют свое внимание на вредных последствиях действия силовых структур. Однако, в конце концов они склоняются к положительной оценке роли силовиков и неправомочности игнорирования их общественной роли.

Конфликт между русскими и евреями

Низкая оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с негативным отношением к чиновникам. При этом студенты отказываются воспринимать чиновников как позитивную или даже нейтральную общественную группу. Таким образом студенты, игнорирующие конфликт между русскими и евреями склонны воспринимать чиновников как исключительно приносящих вред обществу. Низкая оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с амбивалентным и положительным отношением к силовикам. Таким образом, студенты, склонные игнорировать конфликт между русскими и евреями демонстрируют наиболее взвешенную позицию по отношению к силовикам. Они видят как позитивные, так и негативные стороны их деятельности. Однако приоритетным для них все же остается за позитивными результатами действий силовых структур.

Средняя оценка остроты данного конфликта наиболее часто ассоциируется с позитивным отношением к чиновникам. Следовательно, умеренная фиксация на конфликте между русскими и евреями максимально улучшает отношение студентов к чиновникам. Здесь интересно отметить, что это прямо противоположно тому, что имеет место в отношении конфликта между кавказцами и русскими. Таким образом, если умеренная фиксация на конфликте между русскими и кавказцами сопряжена у студентов с наиболее негативной оценкой общественной роли чиновников, то аналогичная фиксация на конфликте между русскими и евреями приводит к прямо противоположным последствиям. Чиновники приобретают наиболее выгодный и позитивный образ. Средняя оценка остроты конфликта между русскими и евреями наиболее ассоциируется с негативным отношением к силовикам. Следовательно умеренная фиксация на данном конфликте связана с наиболее негативной оценкой деятельности силовиков.

Высокая оценка остроты конфликта русские–евреи наиболее ассоциируется с нейтральным отношением к чиновникам. Следовательно, наиболее обостренное восприятие конфликта между русскими и евреями приводит к частичному ухудшению образа чиновников в глазах студентов. Оно все же лучше, чем у тех, кто игнорирует русско–еврейский конфликт, но по преимуществу является нейтральным. Студенты чаще отказываются видеть реальный смысл в существовании чиновников. Это напоминает ситуацию с конфликтами местные–

неместные, патриоты–антипатриоты и радикально отличается от конфликта кавказцы–русские. Высокая оценка остроты конфликта между русскими и евреями наиболее ассоциируется с положительным отношением к силовикам. Следовательно, максимальная фиксация на русско–еврейском конфликте связана с наиболее позитивной оценкой роли силовых структур. Интересно отметить, что равнодушное, нейтральное отношение к силовикам в данном случае никак не связана с остротой восприятия конфликта. Подводя итог можно констатировать следующее. При игнорировании студентами русско–еврейского конфликта они склонны наиболее объективно и в целом положительно оценивать роль силовых структур. По мере нарастания остроты данного конфликта образ силовиков существенно ухудшается. Однако при обострения восприятия конфликта русские–евреи роль силовиков оценивается как все более положительная. То есть в данном случае игнорирование конфликта и повышенная фиксация не нем выражается в сходном отношении к силовикам — так сказать противоположности сходятся. Вероятно, в первом случае предполагается, что силовики своими действиями предотвращают развитие данного конфликта, а во втором — успешно способствуют его урегулированию.

Конфликт между христианами и мусульманами

Низкая оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с нейтральным отношением к чиновникам. Следовательно, игнорирование конфликта между христианами и мусульманами чаще сопровождается восприятием чиновников как абсолютно бесполезной общественной группы, не причиняющей ему вреда, но и не приносящего никакой пользы. Низкая оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с нейтральным отношением к силовикам. Следовательно, студенты, склонные игнорировать конфликт между христианами и мусульманами не видят целесообразности в существовании силовых структур. Эта картина в чем-то напоминает ту, что описана выше для конфликта кавказцы–русские. Таким образом, можно констатировать, что отсутствие внимания к конфликтам между кавказцами и русскими, христианами и мусульманами находит свое проявление в возникновении сомнений относительно оправданности существования силовых структур, хотя в случае конфликта кавказцы–русские отношение к силовикам все же лучше.

Средняя оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с аналогичным отношением к чиновникам. Кроме того при этом отсутствует усмотрение студентами какой-либо полезной общественной роли чиновничества. Как видно из результатов, эти тенденции максимально сходны с теми, которые уже были описаны для случая конфликта между кавказцами и русскими. Средняя оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с позитивной оценкой роли силовиков. Следовательно, умеренная фиксация на конфликте между христианами и мусульманами связана с наиболее позитивным отношением к силовикам. Здесь мы наблюдаем явный контраст по сравнению с этническими конфликтами: кавказцы–русские и русские–евреи. Выходит, что умеренная концентрация на межрелигиозном и межэтническом конфликтах имеет противоположное последствие для восприятия силовиков. В случае межконфессионального конфликта образ силовиков улучшается, а в случае межэтнических конфликтов — ухудшается.

Высокая оценка остроты конфликта между христианами и мусульманами ассоциируется с позитивным отношением к чиновникам. При этом отсутствует восприятие чиновников как бессмысленной и бесполезной общественной группы. Следовательно наиболее обостренное восприятие конфликта между христианами и мусульманами наиболее тесно связано с позитивным отношением к чиновникам, с безусловным признанием их полезной роли в обществе. Как видно из результатов, все они практически точно копируют

то, что было обнаружено в отношении конфликта между кавказцами и русскими. Таким образом, изменения в восприятии остроты этих двух конфликтов (кавказцы–русские, христиане–мусульмане) приводит к практически тождественным изменениям в оценке студентами роли чиновничества в обществе. Это, с нашей точки зрения, позволяет предположить существование весьма отчетливой и жесткой смысловой конструкции («личностного конструкта») [7]: оценка общественной роли чиновников и оценка остроты конфликтов между кавказцами и русскими, христианами и мусульманами. Оценка роли чиновничества меняется абсолютно синхронно с изменениями восприятия остроты русско–кавказского и христианско–мусульманского конфликтов. При этом видно, что для студентов, которые воспринимают эти конфликты как максимально острые, положительная, конструктивная роль чиновников представляется практически очевидной и несомненной. Высокая оценка остроты конфликта христиане–мусульмане наиболее ассоциируется с отрицательным отношением к силовикам. Следовательно, максимальная фиксация на конфликте между христианами и мусульманами связана с наиболее негативной оценкой деятельности силовиков. При этом студенты также не склонны воспринимать их нейтрально. Видно, что в данном случае картина прямо противоположна ситуации межэтнических конфликтов, в особенности конфликту между кавказцами и русскими. Следовательно при игнорировании конфликтов христиане–мусульмане и кавказцы–русские студенты склонны сомневаться в целесообразности существования силовиков. При умеренной концентрации на этих, а также на русско–еврейском конфликте, наблюдается противоположная картина. Средняя концентрация позитивно влияет на образ силовиков в случае межрелигиозного и отрицательно — в случае межнациональных конфликтов. Максимальная концентрация на конфликте, напротив, улучшает образ силовиков в случае межнациональных конфликтов и ухудшает в случае межрелигиозного. Можно предположить, что по мнению студентов силовики более адекватно проявляют себя в острых межэтнических конфликтах и лишь в умеренных межконфессиональных. Соответственно наоборот — они «плохи» при острых межрелигиозных конфликтах и умеренных межнациональных. Можно на основании этих тенденций выдвинуть гипотезу, что студенты более склонны допускать силовое решение межнациональных конфликтов, чем межрелигиозных.

Конфликт между властью и населением

Низкая оценка остроты данного конфликта ассоциируется с нейтральным отношением к чиновникам. Следовательно, игнорирование конфликта между властью и населением чаще приводит к равнодушному отношению к чиновникам и к их роли в обществе. Как видно из результатов, игнорирование конфликта между властью и населением одновременно связано как с положительным, так и с отрицательным отношением к силовикам. Следовательно в данном случае студенты весьма отчетливо делятся на 2 подгруппы. Одна полагает, что отсутствие острого конфликта между властью и населением каким-то образом связано с действием силовиков. Другие — напротив, убеждены, что именно вопреки негативной деятельности силовиков конфликт между властью и населением остается в относительно зачаточном состоянии. При этом видно, что по мере интенсификации восприятия остроты конфликта обе точки зрения сдают свои позиции. Сначала студенты со все большим предубеждением начинают относиться к силовикам. Но при максимизации восприятия остроты конфликта между властью и населением роль силовиков в оценках студентов снижается как таковая. Они все больше начинают восприниматься как некая безликая масса, мало влияющая на происходящие в обществе процессы. При этом правда достаточно распространенным становится амбивалентное отношение к силовикам. Студенты, не

отказываясь видеть положительные результаты их деятельности, все больше обращают внимание на отрицательные последствия действий силовиков в обществе.

Средняя оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с прямо противоположной установкой. Студенты воспринимают чиновников как приносящих пользу и не обнаруживают равнодушного отношения к ним. Следовательно, умеренная фиксация на конфликте между властью и населением максимально улучшает образ чиновников в глазах студентов. Здесь картина практически прямо противоположна той, которая была обнаружена в случае конфликтов между натуралами и представителями ЛГБТ, а также талантливыми и заурядными людьми. Хотелось бы остановиться на данной тенденции несколько подробнее. Обращает на себя внимание принципиальное отличие конфликта власть–население по сравнению с конфликтом между натуралами и представителями сексуальных меньшинств, а также талантливыми и заурядными людьми. В первом случае правомерно ожидать в конфликте симпатий на стороне большинства. В двух других случаях симпатии распределяются не столь однозначно. В случае конфликта между талантливыми и заурядными людьми симпатии могут быть на стороне меньшинства. В конфликте между натуралами и представителями ЛГБТ возможна скрытая симпатия к меньшинству. В таком случае мы видим, что если симпатии респондентов предположительно находятся на стороне большинства, то при повышении фиксации на конфликте отношение к чиновникам улучшается. Если же распределение симпатий респондентов не вполне очевидно, либо они на стороне меньшинства, то по мере нарастания фиксации на конфликте отношение к чиновникам ухудшается. Примером такой неоднозначной направленности симпатий может быть и конфликт между молодыми и пожилыми. Все это, как нам представляется, позволяет сформулировать некую тенденцию. Обследованные студенты в целом осмысливают чиновников (бюрократов) как консервирующую, стабилизирующую силу. Поэтому фиксация на более острых конфликтах, а также на конфликтах в которых симпатии скорее на стороне большинства, чиновники воспринимаются все более позитивно. Напротив, фиксация на периферических и «экзотических» конфликтах при неоднозначной направленности симпатий, либо адресации этих симпатий меньшинству, чиновники воспринимаются все более негативно.

Высокая оценка остроты конфликта власть–население ассоциируется с нейтральным отношением к чиновникам. При этом студенты отказываются усматривать в их деятельности что-либо полезное для общества. Таким образом, если описать полностью динамику отношений к чиновникам по мере усиления фиксации внимания студентов на конфликте между властью и населением, то она выглядит следующим образом. При игнорировании данного конфликта и при высокой фиксации на нем отношение к чиновникам нейтральное. Причем при высокой фиксации даже хуже, чем при игнорировании. Однако при умеренной концентрации на конфликте власть–население студенты максимально позитивно оценивают роль чиновничества.

Конфликт между молодыми и пожилыми

Низкая оценка остроты данного конфликта ассоциируется с положительным отношением к чиновникам. При этом студенты вообще не склонны воспринимать этих людей как лишних и бесполезных членов общества. Здесь точка зрения студентов абсолютно совпадает с точкой зрения студентов, которые максимально фиксированы на конфликте между русскими и нерусскими, кавказцами и русскими. Следовательно, можно констатировать, что отношение к чиновникам абсолютно сходно и очень позитивно у студентов, которые с одной стороны максимально сосредоточены на межэтнических

конфликтах (русские–нерусские, кавказцы–русские) и одновременно с этим игнорируют конфликт между молодыми и пожилыми т. е. игнорируют проблему «отцов и детей». Таким образом, у них чувство национального единства компенсирует трения, возникающие между поколениями. Низкая острота восприятия данного конфликта наиболее ассоциируется с амбивалентным отношением к силовикам. Следовательно, игнорирование конфликта между поколениями приводит студентов к мнению, что силовики выполняют в обществе одновременно и полезную и вредную функцию.

Средняя оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с нейтральным отношением к чиновникам. Следовательно, умеренная фиксация на конфликте между поколениями связана с наиболее нейтральным отношением к чиновникам. Они просто воспринимаются как некое пустое место, от которого обществу нет ни особой пользы, ни вреда. Средняя оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с положительным восприятием силовиков. Таким образом умеренная концентрация на конфликте между поколениями отражается в наиболее положительной оценке той роли, которую силовики выполняют в обществе.

Высокая оценка остроты конфликта между младшим и старшим поколениями ассоциируется с амбивалентным и прежде всего отрицательным отношением к чиновникам. При этом студенты отказываются воспринимать их действия как полезные, а также игнорировать их роль как таковую. Картина очень напоминает ту, что обнаруживается у студентов, максимально фиксированных на конфликте между либералами и коммунистами, а также умеренно сконцентрированных на конфликтах между честными людьми и мошенниками, а также между трудолюбивыми и склонными к паразитизму. Следовательно динамика отношения к чиновникам по мере обострения восприятия конфликта «отцов и детей» выглядит следующим образом. По мере концентрации на этой проблеме студенты все более склонны негативно относиться к чиновничеству. Если соотносить результаты с полученными для других конфликтов, то видно, что они прямо противоположны тем, что наблюдаются для конфликтов между русскими и нерусскими, кавказцами и русскими, христианами и мусульманами. Таким образом, влияние остроты восприятия конфликта «отцов и детей» сходно с влиянием остроты конфликта между либералами и коммунистами и прямо противоположно влиянию этно–конфессиональных конфликтов. Из этого можно предположить, что в глазах студентов чиновники в целом олицетворяют консервативную силу. Ее роль одними воспринимается очень позитивно, а другими — напротив, негативно. Высокая оценка остроты данного конфликта наиболее ассоциируется с отрицательным восприятием силовиков. Следовательно, максимальная концентрация на противоречиях, возникающих между поколениями значительно ухудшает образ силовиков в глаза студентов. Отношение к силовикам в данном случае эволюционирует следующим образом. Сначала, при игнорировании конфликта, оно является амбивалентным. Потом перерастает в положительное. Однако, чем острее в дальнейшем воспринимают студенты конфронтацию между поколениями, тем хуже их образ силовиков, которые воспринимаются как все более и более вредные члены общества.

Весьма специфической социальной группой, возникшей в постсоветский период являются, так называемые, олигархи [8]. Общественное влияние этой небольшой, но могущественной по определению группы было наиболее очевидным в 90 годы. Одним из наиболее типичных представителей данной группы являлся М. Ходорковский. На протяжении ряда лет важным элементом общественной жизни России было так называемое «дело ЮКОСА» или «дело Ходорковского». Мы решили изучить восприятие данного общественного явления студенческой молодежью. *(Примечание. Данный фрагмент*

исследования проводился до 2014 г. т. е. в тот период, когда М. Б. Ходорковский еще не был помилован президентом и отбывал наказание в местах лишения свободы по делу «ЮКОСА»)

В анкету, направленную на изучение восприятия студентами периода существования СССР, а также возможных причин и последствий его распада, нами был включен следующий вопрос. Инструкция к нему формулировалась так:

Михаила Ходорковского нередко называют символической личностью для современной России. Символом чего, по-вашему, является М. Ходорковский? Вам предлагается выбрать из предложенного списка 3 пункта и расположить их по порядку т. е. проранжировать.

1. Символ человека, пострадавшего от произвола властей и беззакония (жертва произвола властей)
2. Символ олигарха, преступно разбогатевшего и получившего по заслугам (вор, получивший по заслугам)
3. Символ оппозиционера нынешней власти, которого она боится (оппозиционер)
4. Символ талантливого человека, которого преследуют завистливые недоброжелатели (жертва завистников)
5. Символ скрытого врага России, стремившегося захватить власть и не отказавшегося от своих намерений до сих пор (вовремя разоблаченный враг страны)
6. Символ человека, которому сначала здорово везло, но потом удача круто отвернулась от него (жертва фортуны)
7. Символ человека, который вовремя не сказал себе «хватит» и не умерил свои аппетиты (человек, которого сгубила чрезмерная алчность)
8. Символ человека, который с кем-то не захотел поделиться (не хотел делиться и брал не по чину)
9. Символ человека, который уверен в том, что за деньги в конце концов можно купить все на свете (циник, стремившийся купить себе власть)
10. Символ человека, которого предали те, кому он доверял (жертва предательства).

Рассмотрим эти тенденции в контексте восприятия и интерпретации студентами общественных конфликтов, а также их отношения к некоторым ключевым общественным группам, вовлеченным в эти конфликты.

1. Ухудшение отношения к Ходорковскому по мере усиления воспринимаемой остроты конфликтов. Было обнаружено, что чем более остро воспринимают студенты конфликты между богатыми и бедными, русскими и нерусскими, русскими и евреями, а также христианами и мусульманами, тем все более отрицательно воспринимают они Ходорковского.

По мере нарастания воспринимаемой остроты конфликта между богатыми и бедными образ Ходорковского эволюционирует следующим образом. Сначала он воспринимается скорее как талантливый человек, на которого ополчились завистливые недоброжелатели. Однако при наиболее остром восприятии конфликта между богатыми и бедными Ходорковский предстает как циничный, алчный и преступный человек, готовый на все ради денег, служащий только им, обожающий их и в конце концов поплатившийся за это. Т. е. условно говоря максимально допускают идентификацию и сочувствие к Ходорковскому студенты, игнорирующие конфликт между богатыми и бедными. Напротив, наиболее сконцентрированные на этом конфликте скорее противопоставляют себя Ходорковскому и отказывают ему в каком-либо сочувствии.

В целом аналогичная картина наблюдается и в связи с восприятием остроты конфликта между русскими и нерусскими. Наиболее позитивно склонны воспринимать Ходорковского студенты, игнорирующие этот конфликт. Вместе с тем умеренное восприятие остроты

конфликта между русскими и нерусскими привносит некий позитивный смысловой элемент в восприятие Ходорковского. На первый план выступает произвол и беззаконие, творимое в отношении к нему со стороны властей, а также отказ верить во враждебность его намерений по отношению к России. С точки зрения этих студентов Ходорковский на свободе не представляет никакой угрозы для России и для нынешней власти.

Студенты, наиболее остро воспринимающие конфликт между русскими и нерусскими наиболее склонны видеть в Ходорковском скрытого врага России, стремившегося захватить власть и не отказавшегося от своих намерений до сих пор. Таким образом, с данной точки зрения освобождение Ходорковского может «развязать ему руки». Во многом проявляется сходство между студентами, которые наиболее остро воспринимают конфликты между богатыми и бедными, а также между «русскими» и «нерусскими». Они наиболее негативно воспринимают Ходорковского, игнорируя роль таланта в том, чего ему удалось добиться и подчеркивают прежде всего его циничную веру во всевластие денег. Из всего этого можно предположить, что для студентов, наиболее остро воспринимающих конфликт между богатыми и бедными, русскими и нерусскими Ходорковский служит своеобразной символической фигурой, объединяющей негативные смыслы обоих этих конфликтов. (Синтетический конфликт: «богатые нерусские — бедные русские», с подтекстом, что богатство нерусских строится на бедности русских).

Чем более остро воспринимают студенты конфликт между русскими и евреями, тем все менее убедительным представляется им, что Ходорковский пострадал от произвола властей и беззакония, а также что он оппозиционер нынешней власти, которого она боится. Все менее убедительным выглядит и то, что Ходорковский пострадал от того, что не захотел жить «по понятиям». Таким образом, чем более острым воспринимается конфликт между русскими и евреями, тем менее убедительным кажется студентам версия, что Ходорковский оппозиционер нынешней власти с которым она расправляется игнорируя нормы закона и что он чем-то принципиально отличается от прочих олигархов, вороватых и криминализованных бизнесменов и чиновников. Таким образом, Ходорковский в качестве диссидента выглядит все менее правдоподобным и убедительным. Студенты, наиболее остро воспринимающие конфликт между русскими и евреями воспринимают Ходорковского как циничного и алчного человека. Ходорковский по их мнению уверовал в то, что за деньги в конце концов можно купить все, в том числе и власть. Он также не смог вовремя остановиться, умерить свои грандиозные аппетиты. Подобно персонажу «Сказки о рыбаке и рыбке» он хотел стать абсолютным владыкой и в результате оказался у разбитого корыта. Претензии сверх богача–плутократа Ходорковского на «Российский престол» воспринимаются этими студентами как вполне реальная версия. По их мнению Ходорковский замыслил нечто плохое против России (другой вопрос в чьих интересах, кроме своих собственных он при этом действовал) и реализовать свои амбициозные замыслы наиболее успешно он мог бы как раз захватив власть в стране. У него были и остаются верные союзники среди подобных ему, поэтому и находясь в заключении Ходорковский не отказывается от своих зловещих для России планов. Ходорковский таким образом воспринимается как законченный негодяй, продолжающий представлять угрозу для России. Причем некоторая информация и намеки в СМИ на то, что Ходорковский еврей, в системе представлений этих студентов, и без того крайне фиксированных на конфликте между русскими и евреями только подливает масла в огонь и делает их подозрения для них самих еще более убедительными (Ходорковский — часть мирового «иудео–масонского» заговора против России).

Чем более острым воспринимают студенты конфликт между христианами и

мусульманами, тем более убедительной им представляется версия, что Ходорковский — это циничный и алчный человек. Он уверен в том, что за деньги можно в конце концов купить все на свете, в том числе и власть. Он шел на поводу своей непомерной алчности, не смог вовремя остановиться и пытаясь обогатиться сверх всякой меры в конце концов потерпел крах. Таким образом, по мере усиления остроты восприятия конфликта между христианами и мусульманами образ Ходорковского все более приближается к типичному портрету российского олигарха. Он циничен, алчен, готов почти на все или вообще на все ради непомерного личного обогащения. Если при игнорировании религиозного конфликта Ходорковский возможно вызывает даже сочувствие, как жертва предательства и произвола властей, то в конце концов, при максимально обостренном восприятии религиозного конфликта он безусловно не заслуживает никакого снисхождения. Интересно, что при умеренном восприятии религиозного конфликта студенты склонны усматривать в деятельности Ходорковского некоторый политический оттенок. Однако оценка его действий при этом скорее негативна. Но, как уже отмечалось, при максимально обостренном восприятии религиозного конфликта Ходорковский практически в чистом виде воспринимается как типичный российский олигарх, над которым в конце концов свершилось правосудие и он оказался там, где ему и место т. е. в тюрьме.

2. Улучшение отношения к Ходорковскому по мере усиления воспринимаемой остроты конфликтов. Как было обнаружено, чем более остро воспринимают студенты конфликты между русскими и кавказцами, трудолюбивыми людьми и паразитами, либералами и коммунистами, демократами и сталинистами, тем все более положительно воспринимают они Ходорковского.

Чем более остро воспринимают студенты конфликт между русскими и кавказцами, тем более позитивно они воспринимают Ходорковского. Его образ в их глазах претерпевает существенную трансформацию. Если сначала Ходорковский воспринимается как враг России, противопоставивший себя таким же как он олигархам, циничный и высокомерный, то затем он все более предстает как оппонент власти, которая расправилась с ним, воспользовавшись определенным стечением обстоятельств.

С точки зрения этих студентов, не придающих большого значения конфликту между русскими и кавказцами, Ходорковский это враждебный России циничный человек, верящий в неограниченную власть денег, поставивший себя в особое положение к таким же, как он олигархам и вследствие этого преданный ими. Даже находясь в местах лишения свободы Ходорковский продолжает представлять опасность для России. Все, что случилось с Ходорковским, по мнению этих студентов закономерно и логично вытекает из его предшествующей деятельности.

Студенты, наиболее остро воспринимающие конфликт между русскими и кавказцами наиболее склонны воспринимать Ходорковского как жертву произвола властей и человека, от которого отвернулась фортуна. Они также воспринимают как очень убедительную версию, что Ходорковский является оппозиционером нынешней власти, которого она боится. Напротив, эти студенты менее других склонны видеть в Ходорковском врага России, продолжающего свою антигосударственную деятельности и в местах лишения свободы, а также жертву предательства со стороны своего ближайшего окружения. Таким образом, в глазах этих студентов образ Ходорковского наиболее позитивен (упрощенно их логика может быть сформулирована так: главные враги русских и России — это кавказцы). Ходорковский предстает как борец с властью (которая, кстати, опекает кавказцев и опирается на них), которого она преследует, не стесняясь в средствах и нарушая закон. При этом Ходорковский не является врагом России и те, кому он доверял продолжают оставаться верными ему.

Из полученных данных видно, что чем более острым воспринимают студенты конфликт между трудолюбивыми людьми и иждивенцами–паразитами, тем более убедительной им представляется версия, что Ходорковский — это талантливый человек, которого преследуют завистливые недоброжелатели. Напротив, все менее отражающей действительность им кажется версия, что Ходорковский — это циничный человек, уверовавший в абсолютную власть денег, стремившийся купить себе власть в России, а также, что он не хотел делиться.

Студенты, которые относительно игнорируют конфликт между трудолюбивыми и иждивенцами–паразитами, наиболее убедительным считают, что Ходорковский — это циничный человек, который уверен в том, что за деньги, в конце концов, можно купить все на свете и в том числе власть, что он не хотел делиться и напролом шел к суперобогачению. Они также наиболее склонны видеть в Ходорковском скрытого врага России, стремившегося захватить власть и не отказавшегося от своих намерений до сих пор. Наименее правдоподобно с их точки зрения выглядит то, что Ходорковский стал жертвой завистников и предательства тех, кому он доверял. Эти студенты наименее склонны воспринимать Ходорковского как талантливого, незаурядного человека. Таким образом, его успех в бизнесе с их точки зрения не обусловлен его незаурядными способностями, а скорее объясняется его аморальностью и возможной поддержкой кругов, враждебных России (Западом, международной финансовой олигархией и т. п.).

Студенты, наиболее остро воспринимающие конфликт между трудолюбивыми людьми и иждивенцами паразитами, напротив убеждены, что Ходорковский — это талантливый человек, которого преследуют завистливые недоброжелатели. Они охотно соглашались с версией, что Ходорковский — это оппозиционер нынешней власти, которого она боится, и что он вообще жертва произвола властей и беззакония. Таким образом, эти студенты воспринимают Ходорковского наиболее позитивно. Для них он талантливая яркая личность, бросившая вызов серым, заурядным людям, (туповатой массе, большинству), а также власти, которая стоит на страже интересов именно таких людей. С точки зрения этих студентов Ходорковский оказался под двойным ударом (между молотом и наковальней). С одной стороны — иждивенцы, ленивые тупицы, «пассивно–агрессивное большинство», завидующие успешному человеку, яркой талантливой личности и сами ни на что не способные. С другой стороны не дружащая с законом, чинящая произвол власть. Этой власти как раз нужны иждивенцы, пассивная масса тупых равнодушных бездельников, которых она держит в повиновении, раздавая им подачки, крошки со своего «барского стола». Для нее наиболее опасны как раз такие люди как Ходорковский — талантливые, амбициозные, яркие, самостоятельные, конкурентно–способные. (Незаурядные одиночки, бросающие вызов консервативной серой массе, движущие прогресс — Джобсы, Цукерберги, Гейцы, Хоккинги, Чичваркины, Дуровы и т. п.), Власть чувствует, что она им не нужна и не любит таких людей, даже боится их. С точки зрения данной группы студентов Ходорковский как как раз и является олицетворением конфликта трудолюбивых и талантливых людей с одной стороны (избранного элитного меньшинства) и бездарных бездельников с другой (паразитирующей на этом меньшинстве массе). Причем нынешняя власть с их точки зрения целиком на стороне ленивых бездарей. В них она видит свою опору. Этим людям в советское время было принято называть «трудящимися», но современные сторонники рыночной экономики рассматривают их как раз в качестве балласта, живущего за счет бюджета и вследствие этого целиком зависящих от государства. Таким образом, чем более остро воспринимают студенты конфликт между трудолюбивыми людьми и иждивенцами паразитами, тем более позитивно они воспринимают Ходорковского. Есть основания думать, что он является для этих студентов своеобразным олицетворением данного конфликта.

Можно констатировать, что по мере нарастания остроты восприятия конфликта между либералами и коммунистами студенты все более позитивно воспринимают Ходорковского. Если им относительно безразличен конфликт либерализм–коммунизм, то в Ходорковском они в сущности видят «врага народа», вовремя разоблаченного и наказанного, но все же продолжающего представлять опасность для России, при умеренном восприятии остроты данного конфликта Ходорковский воспринимается как типичный авантюрист, который в 90 годы сколотил состояние, но которого попросту «съели» свои, потому, что он не хотел с ними делиться. Наконец, при обостренном восприятии конфликта либералы–коммунисты, студенты достаточно отчетливо встают на позиции либерализма и Ходорковского, как оппонента режима, с которым этот режим расправляется тем более жестоко и незаконно, чем более испытывает к нему страх.

Из полученных результатов видно, что чем более острым воспринимается студентами конфликт между демократами и сталинистами, тем более убедительной им представляется версия, что Ходорковский пострадал от произвола властей и беззакония. Напротив, все менее реалистичными в их глазах выглядят версии, что Ходорковский — это преступно разбогатевший олигарх, получивший по заслугам, что он оппозиционер нынешней власти, которого она боится. Все менее убедительной выглядит для них версия, что Ходорковского просто стубила чрезмерная алчность и он вовремя не остановился и не умерил свои аппетиты. Таким образом, мы вновь видим общую позитивную динамику образа Ходорковского по мере обострения восприятия конфликта между демократами и сталинистами. Причем обострение в восприятии конфликта сопровождается дрейфом в сторону демократических, а не сталинистских стереотипов. Следовательно, как и в случае конфликта либералы–коммунисты острота конфликта ассоциируется, скорее всего, с либеральными и демократическими политическими ориентациями студентов, а не с коммунистическими и сталинистскими. Соответственно можно предположить, что студенты, условно ориентированные на левые и авторитарные ценности гораздо слабее ощущают данные конфликты в современном обществе. С их точки зрения все обстоит достаточно хорошо и в современной России есть место и либерализму и демократии. При этом они устойчиво воспринимают Ходорковского наиболее негативно: либо как «врага народа», либо как зарвавшегося алчного олигарха к тому же оппозиционно настроенного по отношению к власти (в их понимании вполне демократичной и либеральной). Напротив, либерально и демократически ориентированные студенты видят в Ходорковском жертву. Либо он талантливая яркая личность, бросившая вызов властям, либо просто человек, которому не повезло и он попал под колеса машины авторитарной власти.

3. Отношение к Ходорковскому, независимое от степени воспринимаемой остроты общественных конфликтом. По мере увеличения остроты восприятия студентами конфликта между городским и сельским населением, их интерпретация «дела» Ходорковского теряет политический оттенок и упрощается. При игнорировании конфликта между городом и селом Ходорковский воспринимается как враждебный России человек, который сначала весьма преуспевал, но потом власть расправилась с ним. Далее Ходорковский предстает как оппозиционер власти, который в связи со своей экономической деятельностью имел проблемы с законом и власть не упустила возможность воспользоваться этим. Наконец с точки зрения студентов, наиболее остро воспринимающих конфликт между городом и селом, Ходорковский является наглядной иллюстрацией того, как безудержная жажда богатства, поклонение власти денег приводит человека к беде. Несмотря на содержательные различия, можно констатировать, что в целом отношение к Ходорковскому остается негативным.

Устойчивое и в целом нейтральное отношение к Ходорковскому обнаруживается в связи

с восприятием конфликта между нормальными людьми и сексуальными меньшинствами. Из полученных результатов видно, что чем более острым воспринимают студенты конфликт между нормальными людьми и ЛГБТ, тем более убедительным им представляется, что Ходорковский — это человек, пострадавший от произвола властей и беззакония, что он скрытый враг России, стремившийся захватить власть и не отказавшийся от своих намерений до сих пор, а также, что он циничный человек, который уверен в том, что за деньги в конце концов можно купить все на свете, в том числе и власть. Напротив, все менее правдоподобными с точки зрения студентов выглядят версии, что Ходорковский — это человек, которого сгубила чрезмерная алчность и что он жертва предательства тех людей, которым доверял. Таким образом, Ходорковский воспринимается все более как совершенно последовательный и убежденный плутокрот, с которым власть расправилась не слишком проявляя щепетильность в средствах, но отстаивая при этом интересы России. Напротив, его все менее готовы воспринимать в качестве примитивного хапуги, которого «сдали» его же собственные друзья и компаньоны. В целом мы наблюдаем достаточно отстраненную позицию студентов по отношению к Ходорковскому. Существенной же динамики не обнаруживается. При этом имеет место своего рода усложнение причинных моделей «дела» Ходорковского. Оно воспринимается студентами все более политизировано, а мотивы действий Ходорковского выстраиваются в некую концепцию, носящую в целом антироссийский характер.

Наконец также весьма устойчивое и в целом позитивное отношение к Ходорковскому обнаруживается в связи с восприятием конфликта между молодым и старшим поколением. По мере обострения восприятия студентами данного конфликта их интерпретации становятся все более поверхностными и примитивными. Чем более выпукло в сознании студентов представлен конфликт между младшими и старшими, тем более поверхностны и инфантильны их оценки ситуации, в которой оказался Ходорковский. С точки зрения студентов, относительно игнорирующих конфликт между старшими и младшими в лице Ходорковского проявляется конфликт незаурядной яркой личности и относительно посредственной власти, которая завидует этой личности и боится ее. Таким образом, студентами принимается достаточно простая и вместе с тем политизированная версия.

При умеренном восприятии остроты конфликта между младшими и старшими «дело» Ходорковского полностью деполитизируется. Он воспринимается просто как своего рода неудачливый игрок в рулетку. Сначала ему здорово везло и он много выигрывал. В этот момент следовало бы остановиться, но он не смог этого сделать и в результате все проиграл.

С точки зрения студентов, которые наиболее остро воспринимают конфликт между младшим и старшим поколениями Ходорковский просто везунчик, которого подставили люди, которым он доверял. В понимании этих студентов в «деле» Ходорковского отсутствует не только политическая, но скорее всего и экономическая подоплека. Его можно лишь упрекнуть в чрезмерной доверчивости. В остальном остается только развести руками – не повезло человеку, что подделаешь. Таким образом, эти студенты демонстрируют наиболее легкомысленное отношение к Ходорковскому.

Подведем итоги. В данной публикации излагаются результаты исследования восприятия студенческой молодежью конфликтов, имеющих место в современном российском обществе. При этом с теоретических позиций общество рассматривается как система взаимодействующих между собой конфликтов. Осуществлена апробация методических подходов, позволяющих оценить ряд психологических и социологических характеристик студенческой молодежи. В частности исследуется субъективное восприятие студентами остроты ряда основных общественных конфликтов, их решаемости,

взаимодействия этих параметров. Обосновываются алгоритмы содержательного анализа полученных данных [5–7, 9–10]. Кроме того рассматривается отношение к некоторым общественным группам и их представителям (чиновникам, силовикам, олигархам) в контексте изучения восприятия конфликтов. В статье приведены результаты исследования студентов гуманитарных специализаций, обучающихся в РГГУ. Полученные данные могут быть практически использованы в психолого–педагогическом консультировании студентов и в воспитательной работе с ними [6, 8].

Список литературы:

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. СПб. 2006.
2. Бабосов Е. М. Конфликтология. Минск. 2000.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер. 2008. 544 с.
4. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс. 2000.
5. Ионин Л. Г. Понимающая социология. М. 1979.
6. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб. 2000.
7. Франселла Ф., Баннистер Д. Ф. Новый метод исследования личности. М.: Прогресс. 1987. 236 с.
8. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М.: Аспект Пресс. 1995.
9. Брин Р., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи. СПб. 2003.
10. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб. 1999.

References:

1. Antsupov, A. Ya., & Shipilov, A. I. (2006). Slovar' konfliktologa. St. Petersburg.
2. Babosov, E. M. (2000). Konfliktologiya. Minsk.
3. Grishina, N. V. (2008). Psikhologiya konflikta. St. Petersburg. Piter. 544.
4. Kozer L. (2000). Funktsii sotsial'nogo konflikta. Moscow. Ideya-Press.
5. Ionin, L. G. (1979). Ponimayushchaya sotsiologiya. Moscow.
6. Levin K. (2000). Razreshenie sotsial'nykh konfliktov. St. Petersburg.
7. Fransella, F., & Bannister, D. F. (1987). Novyi metod issledovaniya lichnosti. Moscow. Progress. 236.
8. Zdravomyslov, A. G. (1995). Sotsiologiya konflikta: Rossiya na putyakh preodoleniya krizisa. Moscow. Aspekt Press.
9. Brin, R., & Dzhonson, B. (2003). Sotsial'naya psikhologiya: klyuchevye idei. St. Petersburg.
10. Festinger L. (1999). Teoriya kognitivnogo dissonansa. St. Petersburg.

*Работа поступила
в редакцию 19.05.2019 г.*

*Принята к публикации
22.05.2019 г.*

Ссылка для цитирования:

Немцов А. А. Восприятие и интерпретация общественных конфликтов студенческой молодежью // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №8. С. 149-186. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/45/19>

Cite as (APA):

Nemtsov, A. (2019). Perception and Interpretation of Social Conflicts by Student's Youth. *Bulletin of Science and Practice*, 5(8), 149-186. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/45/19> (in Russian).